

Элизабет Корс

Когда всё рушится -
это лишь реальность.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элизабет Корс
Рисуй, Громов

«Автор»

2026

Корс Э.

Рисуй, Громов / Э. Корс — «Автор», 2026

Алиса Соколова — золотая девочка, чью жизнь отец проиграл в казино. Из-за развода родителей она бежит на окраину Петроградки и лишается художественной академии. Но главная ловушка ждала ее в новой гимназии. Марк Громов — вожак райтеров со шрамом на лице и паническими атаками. Год назад статья отца Алисы уничтожила его семью. Марк знает, чья она дочь, с первого дня. Он действует по циничному приказу старшего брата Руслана: «Влюби отличницу в себя, и она сама сдаст нам скрывающегося отца». Но Алиса, застукав Марка в заброшенном цеху, осознанно принимает его дворовую агрессию и рушит академический стиль ради банды. Это ее мазохистская попытка искупить вину отца-палача перед жертвой. Видя ее разбитый вид, Марк подсознательно ломает теневой сценарий брата. Из-за чувства собственности он желает одного — спрятать Алису под крыло. Воздух между ними взрывается от сумасшедшего притяжения. Что победит в этой ловушке: приказ Руслана или нежность детей, чьи родители превратили их жизни в ад?

© Корс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
☐ Глава 1. Стирая границы	7
☐ Глава 2. Цветочный магазин	24
☐ Глава 3. Ниже уровня неба	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рисуй, Громов

ПРОЛОГ

...Ветер с размаху швырял в лицо пригоршни невской влаги, но Марк почти не замечал холода — он бежал по гулкой крыше, ощущая только звон в ушах и тревогу. Подошвы старых кед быстро печатали по лужам, создавая стук в тишине вечернего города. Едкий запах растворителя и краски бил в ноздри — они только что закончили работу на другом объекте. На Малом проспекте, легальный мурал — мечта о деньгах. Он должен был принести баснасловные суммы, но копы накрыли их у финальной плоскости. Руслан, тащивший на плече брезентовую сумку с деньгами, на ходу приказал уходить дворами. Они забежали на территорию НИИ с одной-единственной целью — затеряться среди бетонных перекрытий, переждать облаву и незаметно отрезать хвост преследователям.

Но тактика провалилась. Долгострой не стал для них укрытием.

Глухую тишину разорвал протяжный скрежет тормозов. Во дворе, перекрывая сквозной проход, останавливались патрульные УАЗы. Из дверей выходили фигуры в форме, вой сирен пронзал тёмное небо, лучи прожекторов выхватывали братьев из темноты.

— Рус, бросай сумку! Быстро! — крикнул Марк, напоминая себе о смерти в каждом шепоте. — Пожарная лестница с тыла!

Руслан, сжимавший ремень сумки, ради которой они и ввязались в криминал, даже не подумал избавиться от груза для спасения. Лицо исказилось от жадности. Парень насупился, оттолкнул того в сторону и, не мешкая, прыгнул на обледенелые ступени, устремляясь вниз. Марк — следом.

Но металл под кедами дрогнул. Перекладина поехала вбок — и парень потерял опору. В последний момент он успел ухватиться за край периметра, вцепившись в скользкую поверхность. Под ногами развернулся черный провал.

— Рус, руку! — выдавливая остатки воздуха из легких, заорал мальчик вверх.

Руслан живо обернулся, страх и ужас отразились в его светлых глазах. Внутри все сжалось. Парень не был хладнокровной тварью — ринулся вверх по ступеням. Бросив сумку на площадку, схватил брата за запястья. Руслан тянул его изо всех сил, до предела скрежеща зубами.

— Держи меня! — взмолился Марк, пытаясь зацепиться ногой, но холод быстро тянул тело вниз.

Сверху, над их головами, развернулась дверь. Полицейские загремели по верхней площадке лестницы. Лучи фонарей вспороли темноту. Они без остановки кричали: "Стоять, полиция! Сдавайтесь!".

Руслана накрыл страх. Вспотевшие ладони скользили по коже. Парень понимал: если он не отпустит, их примут теплыми обоих. Он заторможенно заглянул Марку в глаза, его сухие губы мелко задрожали.

— Нет, я не могу...

И Марк повалился плашмя вниз, спиной в разверзшуюся бездну.

Время стерлось. Он летел спиной вперед, успев лишь на короткий миг зафиксировать в памяти удаляющийся силуэт брата на фоне темного неба, усыпанного тусклыми звездами. Марк впервые в жизни почувствовал, как все рушится: лицо, плечи, кожа срывается о ржавый металл. Внутри — боль и холод, а на лице застывшая кровавая рана. Багровый след, что не сотрешь рукой. Тот, что никогда не заживет и откроет новую главу в его жизни.

Все ради вас, мам, пап...

Парень рухнул на платформу этажом ниже. Боль прошибла невыносимая, но удушающий удар оттого, что брат только что разжал руки и отпустил его в свободное падение ради собственной шкуры, оказался сильнее. Внутри Марка закоротило все контакты реальности. Его нервная система не выдержала: легкие намертво сковало зажимом, маска превратилась в раскаленный пластик, полностью запечатавший рот, а в груди застрял хриплый захлеб. Он задыхался, громко кашляя, все скребя ногтями пол в бесплодной попытке поймать хоть каплю кислорода, пока вой сирен бил по вискам, а фонарь приближался с новой ступенью. Последнее, что увидел Марк — скрывающегося Руслана...

□ Глава 1. Стирая границы

«Посвящается всем "тихим" отличникам и "опасным" мальчикам с последней парты. Пусть ваша краска никогда не выцветает, а шрамы становятся искусством.»

Элизабет Корс

Блок 1: Две стороны медали

Вечерний дождь вбивал в асфальт остатки прежней размеренной жизни. Кожаный чемодан оттягивал руку назад, а в горле стоял ком, который не получалось проглотить уже час, с самого момента, как за спиной захлопнулась дверь родительской квартиры. Именно там остались крики, запах маминых рук и эхо папиного «мы не просто справились с очередной бедой, дочур»!..

Алиса Соколова — медалистка художки и претендент на школьный красный диплом. Это та девочка, от которой веяло льяным маслом, а будущее казалось выверенным чертежом. До сегодняшнего дня.

Старый дом дедушки Пахома встретил ее покосившемся сырым забором от льющего ливня с небес. Она занесла кулак и трижды ударила в дубовую дверь. Сердце колотилось в такт каплям, стекающим за шиворот.

— Дедуль, это я! Открывай! — выкрикнула Алиса, перекрывая раскат грома.

Услышав шаги по ту сторону, сделала глубокий вдох. Стоило дверце отвориться, показался и старик, за чьей спиной пробился теплый свет коридорной лампы.

— Алиса? — дедушка замер в проеме, щурясь. — Внучка, ты ли это?

Он засуетился, пропуская девушку внутрь. В прихожей веяло ароматом старых книг и чем-то неуловимо родным — домом, где время будто останавливалось.

— Прости, родная, что так... не подготовился. Не ждал ведь, — он неловко повел плечом, оглядывая свои поношенные штаны. — Ты заходи скорее, промокнешь до нитки.

Алиса молча шагнула в тепло, контрастирующее с стихией природы. Дедушка Пахом перевел взгляд на переполненный чемодан, который девушка сжимала так сильно, что белели костяшки тонких пальцев. Он понял без слов.

— Ну-ка, присядь, — указал на табуретку у стены, опускаясь напротив — Рассказывай. Что там у вас стряслось?

Алиса присела на край старого стульчика, ощущая, ледяную влагу пропитывающую штаны. Холод внутри был куда сильнее. Глаза дедушки, такие добрые и выцветшие, за стеклами очков наполнились тревогой, и плотина, которую Алиса строила внутри себя весь вечер, рухнула.

Первая слеза упала на переплет чемодана, оставив темный след. А потом зарыдала — беззвучно, содрогаясь всем телом, захлебываясь воспоминанием о сегодняшнем дне.

— Они разводятся, дедуль. Он все проиграл...

Четыре часа назад. Их идеальная гостиная с видом на окраину города.

Мама стояла у окна, сжимая в руках какие-то бумаги. Ее лицо, всегда безупречно спокойное, превратилось в маску из воска. Папа сидел в кресле, закрыв лицо руками. Воздух в комнате можно резать ножом.

— Ставки, Константин? Это шутка? Ты заложил наш дом? Место, где спит твоя родная дочь? Место, которое мы строили почти семнадцать лет?

— Я хотел все вернуть, Лена! Один удачный исход, и мы бы... — он вскочил с дрожащим голосом от отчаяния и стыда.

— Ты проиграл нас, — отрезала мама. — Ты поставил на кон не деньги. Ты поставил ребенка с нашим будущем.

Алиса стала свидетелем того, как разбивается вера матери в отца. Женщина сорвала со стены свадебное фото — дорогую работу в массивной раме — и с криком швырнула ее в стену. Звон разбитого стекла стал точкой в детстве Алисы. Мама кричала, что не хочет видеть отца, что подает на развод прямо сейчас, а он... молча ушел, хлопнув дверью так, что задрожала люстра.

Настоящее время.

— Они уничтожили все, — вытерла Алиса ладонью лицо, размазав остатки туши. — Мама заперлась в спальне, а я поняла, что у меня больше нет дома.

Дедушка без слов прильнул, положив шершавую ладонь на макушку. Не выдавливал пустых слов про то, что все наладится, ведь он знал — такое не лечится.

— Поживешь здесь, Алиска. Стены старые, но надежные. Ты отдыхай. А завтра новую жизнь начнем строить, — дедушка поцеловал ее и ушел к себе, шаркая по паркету.

Но сна не было. В груди все горело от осознания, что отец поставил жизнь нескольких людей на кон и беспощадно проиграл. Алиса раскрыла чемодан, вытаскивая из недр масляные краски с различными кисточками. Девушке стоило выплеснуть правду куда-то вовне, чтобы не задохнуться. Ее новая жизнь началась не с переезда под седое крыло, а в тот момент, когда она, стараясь не скрипеть половицами, выскользнула из дома в промокшую ночь. В руках Алиса сжимала альбом и уголь — единственное оружие, которое у нее осталось.

Ноги сами принесли к заброшенному цеху, что высился за пару кварталов домов. Алиса нырнула в разбитый оконный проем, рассчитывая на одиночество, но застыла. Тишина здания оказалась обманчивой: откуда-то сверху, с полуразрушенных перекрытий второго этажа, донеслись мужские голоса.

Сердце пропустило удар. Разум кричал: "Беги!", но любопытство потащило вперед. Не дыша, Алиса поднялась по обломкам лестницы. Ступени опасно крошились, пальцы впивались в холодные перила, покрывшиеся ржавчиной. И добравшись до верхней площадки, она спряталась за бетонной колонной, заглянув в проем.

В тусклом свете, пробивающегося сквозь дырявую крышу, стояла группа парней. В центре Алиса сразу узнала его — Марка Громова. Тот выглядел куда мрачнее, нежели в школе: капюшон натянутый на лоб, плечи напряженные.

Напротив него стоял зрелый мужчина. Марк протянул пачку купюр. Тот пересчитав деньги, благополучно передал увесистые пакеты. Остальные из компании коротко кивнули, принимая груз. Перекинулись парой неразборчивых фраз.

В голове зашумело. *Он взялся во что-то серьезное?* От страха ее ладони вспотели, и пальцы, сжимавшие альбом, дрогнули.

Под ногой предательски хрустнула осыпавшаяся краска со стен. Алиса дернулась, пытаясь удержать равновесие, и ее альбом, выскользнув из рук, со стуком пал на бетонный пол. Падение гулким эхом отдалось в пустом цехе.

Марк среагировал быстрее всех. Его взгляд впился в колонну, за которой Алиса все еще таилась. Он не выглядел испуганным, как вся компания разом обернувшаяся после. Марк был в ярости.

— Кто здесь?! — рявкнул незнакомец, что передавал черные пакеты. Рука нырнула в карман.

Алиса, подобрав скетчбук, робко выглянула из-за шершавого укрытия. Сердце колотилось в горле, мешая дышать. Все взгляды — колючие, подозрительные — разом скрестились на ней.

— Я... я ничего не видела! Честно! И не слышала. Я просто... я уже уйду!

Алиса попятилась, не отрывая глаз от собравшихся. Марк все стоял неподвижно. Его лицо в тени капюшона, будто высечено из камня. Только желваки выдавали ярость, ходя туда-сюда.

— Соколова? Стоять... — начал Марк низким, предупреждающим тоном.

Но Алиса не дослушала.

— Всем доброй ночи!

Развернувшись на пятках, рванула к лестнице, едва не пересчитывая ступеньки телом в жажде спастись. Возбуждение, что охватило девушку за доли секунды, придало ей сил — она бежала, буквально летела вниз по коридору, игнорируя звуки хруста мусора под ногами. Не замечала глубокие, зияющие провалы в полу, смахивающие на зловещие пасти. Она хотела выбраться на свободу, найти убежище или избавиться от преследующей опасности. Но не успев преодолеть и двадцать метров, как из густой тени вынырнул один из парней — его лицо грубо очерчено при свете, а лысая голова поблескивала потом. Он появился на пути в момент, когда Алиса в спешке оглядывалась назад: видимо, заметил ее и решил перехватить из-за спины. Девушка едва успела открыть рот, чтобы крикнуть о помощи, как жесткая ладонь сомкнулась на плече. Ее дернули вниз, рвя из рук саму жизнь.

— Куда-то торопишься, птичка? Здесь есть и второй проход. Если поиграем в кошки-мышки, то так и быть, подскажу куда идти.

Алиса прижала к груди альбом — свои последнее утешение и доказательство того, что она не жертва, а девочка, обожающая расширять искусство. Вторая рука мужчины потянулась к ее горлу. Внутри девушки зажглась маленькая искра. Она знала, что бездействие сделает ее уязвимой, и в порыве инстинкта с размаху ударила его по лицу углом альбома. Тот, отвернув лицо после пощечины, — выругался, ослабив хватку.

Этого Алиса и желала. Метнулась вбок, в надежде найти выход или времени на побег, но подошва скользнула по строительному мусору, сбивая баланс. Она упала на колено, выронив из рук карандаш.

Второй, нервно ругаясь, шагнул к Алисе, намереваясь продолжить игру без жалости, но дорогу преградила возникшая фигура. Марк вырос перед ним как стена, неподвижная и внушительная — в глазах решимость. Сам как айс-робот, готовый защитить девушку. Он не кричал, его голос был тихим, но при этом полным силы и авторитета:

— Довольно. Она со мной.

Алиса, конвульсивно облизывая пересохшие губы, поднялась. Сама полна тревоги. Марк устался на бетон. Там, у самого носка его ботинка, подкатился карандаш. Он не двигался, глядя на него, пока девушка, не дожидаясь приглашения, бросилась к выходу из цеха после слов с верхнего этажа:

— Эй! Держите ее!

Алиса вылетела из здания, вдыхая ночной воздух. Дождь почти стих, оставив после себя скользкую жижу. Девушка бежала по центру города, пока за спиной не раздался шустрый бег.

— Дура! — послышался знакомый голос позади.

Мощный рывок за шкирку заставил ее затормозить, что она едва не пропахала носом землю. Чьи-то пальцы схватили за предплечье, разворачивая лицом к преследователю с такой силой, что хрустнули суставы. Марк тяжело дышал. Глаза его в свете луны сверкали глубокими, черными провалами. Он держал зловеще шуршавый пакет.

— Куда ты несешься? — выплюнул он, прижимая девушку к кирпичной кладке ювелирного магазина. — Хочешь, чтобы они решили, что ты, такая безбашенная, побежала напрямик в полицию? Ты одному из моих по лицу дала!

— Отпусти! Зачем ты сказал, что я с тобой? Мы даже не здороваемся!

В школе они были как две параллельные прямые: она — отличница с первой парты, вечно окруженная задачами, и он — с задних парт со статусом плейбоя. Марк никогда не заговаривал с ней первым, да и она не стремилась нарушать личное пространство. Он всегда держался особняком, разделяя молчание с одним другом, — Владом. В шумных компаниях Громов выбирал нейтралитет, оставаясь последним в очереди, но ощутимым на фоне.

Только здесь, под проливным дождем, Алиса глядела не на Марка. Парень смахивал на оголенный провод. Опасный, непредсказуемый и дикий, способный пропустить импульс из-за намакания.

Взгляд засиял от адреналина — темные глаза искрились, и он явно был на грани.

Лунный свет, пробиваясь сквозь ветви, выделил острые черты лица: влажные, растрёпаные волосы, тающий капюшон. В жилке на виске пульсировала ярость. Вонь дождя и металла окружала его, будто он — часть стихий.

Но больше всего на внимании удерживал свежий пластырь на скуле. Странное сочетание — смуглая, обветренная кожа и аккуратная лента, словно саму кожу пытались спрятать. Алиса заворуженно смотрела на ровную линию клейкой ленты, задаваясь вопросом: что он скрывает? Битву? Несчастный случай? Или метку? А может, просто так — ради имиджа, чтобы казаться жестким?

— Не туда смотришь, Соколова, — раздался тихий, но уверенный голос.

Марк прижал локоть к стене, наклоняясь над ее плечом. Голова достигала уровня ключиц, и он мог легко заглянуть в глаза. Легкий пластырь натянулся, когда уголки губ искривились, показывая зубы. Смотрел на нее сверху-вниз.

Алиса ощущала себя — лишь песчинкой на его пути, ничтожной и незаметной.

— Не того за руку поймала. Для них ты — лишний свидетель. Дочь журналиста, что совал нос в чужие дела. Ты для них никто, Алиса. Как и в классе, когда ты пробовала сидеть за последней партой.

— Ты о чём?.. В какие дела влезал мой отец? И почему, если я для всех ничто, ты не отошел? Тебе ли не наплевать?

Его веки сомкнулись, скрыв взгляд. На лице — гримаса презрения, искаженная усмешкой. Это не было весельем, а чем-то, что помножено на горечь...

— А тебе на меня? Зачем ты только припёрлась сюда? Сталкерись, что ли?

— Но я не знала, что ты был там...

Он не дал ей закончить. Ресницы распахнулись.

— Ты думаешь, я такой же, как Катя и её стая? Ты ошибаешься. Я хуже. Намного хуже.

Парень рванул пакет вверх, заставляя металлическое содержимое звякнуть у лица той. Алиса втянулась, отвернувшись, но звук — лязгающий — вонзился в уши, усиливая панику. Пластик натянулся, очерчивая края баллонов, но для девушки в тот миг это все еще могли быть гильзы. В животе завязался тугой узел страха, но она сжала кулаки.

— Это... — она невольно нахмурилась. На баллончике блеснул знакомый логотип. Алиса видела такие в закрытых отделах арт-маркетов — профессиональная немецкая серия, о которой в художке все перешептывались. Преподаватели называли ее проклятьем, а ученики, прижимаясь носами к витринам, обсуждали невероятную укрывистость пигмента. — Ты серьезно? Весь риск ради... баллона с краской?

Марк схватил ее запястье. Алиса взвыла, пытаясь вырваться.

— Слушай сюда, — он ткнул пальцем. — Если хоть одно слово о том, что ты тут видела, вылетит из твоего рта в школе — забудь об аттестате. Я его у тебя заберу.

— Ч-что? Да твои угрозы пахнут дешево. Иди ими первоклашек пугай. Твой авторитет на меня не действует.

Алиса совершила попытку оттолкнуть его локоть, но Марк даже не шелохнулся. Алису будто обожгло. Гордость не позволяла отступить.

— Руки убери. Ты выглядишь смешно, — она попыталась добавить в голос максимум яда, хотя сердце колотилось в самые ребра. — Весь такой загадочный, с пакетами в полночь... В этом и заключается твоя сложная натура? Вандал с манией величия.

Он не привык к отповедям — в его мире люди подчинялись или исчезали. Зубастость домашней девочки превратила райтера в застывшего удава, подстерегающего мышь.

Громов растянута подался вперед. Алиса затаила дыхание. Их лица оказались так близко, что она рассмотрела каждую ворсинку его откинутого капюшона. Марк замер в миллиметре от ее кожи, словно зверь, учуявший тревожно-сладкий аромат. Его губы потонули в раскаленном дыхании, а взор растерянно смягчился — понятия не имел, что делать с внезапным притяжением.

— Проваливай на кошках тренироваться, а? — прошептал он ей в самые губы.

Он отстранился, что девушка, поддавшаяся корпусом вперед для подачи ответа, чуть не упала. Она еле удержалась, чтобы не схватить того за шиворот.

— Это тебе не эти... как их там?.. Дебаты, на которых можно красиво трепать языком. Короче, топай, пока не передумал. Но я тебя предупредил.

Отступил на несколько шагов в темноту улиц, растворяясь в пелене дождя. Но вдруг затормозил, опомнившись. Он без спешки обернулся через плечо, концентрируясь на промокнутой дороге. Фонарь все мигал в такт грозе. Нырнул в карман переливающейся куртки. Приблизившись к Алисе, заметил, как та дрогнула.

Громов не смотрел ей в глаза. Опустил взгляд на ладонь и, перехватив запястье, силой разжал ее кулак с альбомом. На раскрытую, трясущуюся ладонь лег карандаш.

Алиса не могла обронить ни слова. *Значит, он подобрал его еще в цеху? Спрятал от дождя?*

— Не теряй вещи. В следующий раз могу и не вернуть.

В миг дождь вокруг превратился в пар.

Марк отпрянул, поправив капюшон. Скрылся так быстро, что она не успела и выдохнуть «спасибо».

Ливень нещадно бил по плечам, но Алиса не чувствовала тяжести. Все изменилось. Желание спустить злость в рисовании, ради которого она тайком и сбежала из дома, испарилось быстро.

Марк ушел, забрав с собой не только безмолвие души, но и удушающий комок негатива, который Алиса привезла в чемодане из родительской квартиры. Странно, но его грубость и прохлада стен подействовали отрезвляюще. Они вытеснили мысли о скандалах, ставках отца и маминых криках. Громов будто выкачал из нее лишнее волнение, оставив внутри звенящую пустоту.

В небе гулко ворохнулся гром, и звук его вырвал Алису из оцепенения. Она поймала себя на мысли, что все это время смотрела в пустоту, туда, где стена дождя поглотила Марка. Ее взгляд расфокусирован: она даже не заметила, как он окончательно скрылся из виду.

Алиса выудила из кармана джинсов телефон. Провела тыльной стороной ладони по залитому водой экрану, и поджала губы. Боялась увидеть уведомление. Экран вспыхнул ярко-белым, ударив по глазам.

Ничего.

Ни одного пропущенного от отца. Ни одного сообщения от мамы. Тишина в списке вызовов колола. В этом огромном, шумящем от ливня городе ее не существовало для тех, кто еще вчера называл ее дочерью.

— Кто-нибудь видел девку?! — раздался голос откуда-то с правой стороны.

Убрав телефон обратно, она сжала отданный карандаш в руке. Развернулась и почти бегом бросилась обратно к дому бабушки, стараясь не оглядываться на тени заброшенного цеха.

Она почти влетела в двери, стараясь бесшумно притворить за собой. В прихожей было тихо — только мерное тиканье старых часов в гостиной нарушало ночную духоту. Она стянула насквозь влажные кроссовки и, пытаясь не оставлять мокрых следов, прокралась в комнату.

Чемодан так и стоял неразобранным у изножья кровати, как немой упрек ее жизни. Алиса глянула на разбухший скетчбук. Его листы пошли волнами, а наброски превратились в неразборчивые пятна. Она с безразличием отложила его на край стола. Все выглядело для нее бессмысленным хламом.

Скинув одежду, ощутила озноб в теле. Уже в ночнушке проскользнула к подолу кровати, ныряя под одеяло. Протянула руку к давнему ночнику. Нажав на миниатюрную и незаметную кнопку — стены залились янтарным оттенком. Ночничок выхватил из темноты застоявшейся дубовый комод, стопку книг на подоконнике. Девушка слепила веки, ожидая, что тишина вновь наполнится отголосками возгласов родных, но вместо этого услышала тихий, едва различимый скрежет когтей по дереву.

Она приподнялась на локтях. У подножья кровати сидел белый кот — городская легенда по кличке Пикассо. Дедушка говорил, что кот не признает никого, кроме него самого. Только вот сейчас зверек уверенно запрыгнул на одеяло и, перебрав лапами, завурчал так громко, что вибрация пошла по всей кровати.

Алиса невольно улыбнулась. Это было так вовремя. Запустила пальцы в густую шерсть, и вся тяжесть ночи — погоня, встреча и пугающий тембр Марка, — отступала, вставая на второй план. Кот уткнулся носом в ладонь, именно в то место, которое еще помнило Громова.

Но настоящая неожиданность ждала ее на прикроватной тумбочке. Рядом с телефоном, что оставался безмолвным, лежала игрушка — крошечный, неумело зашитый ангелок. Под ним лежала записка, написанная каллиграфическим почерком бабушки:

Твой дар — это не только творчество, внучка. Это твоя сила. Спи спокойно, в этом доме стены умеют беречь секреты.

Дедушка заметил отсутствие Алисы и воспользовался случаем, подложив в комнату любимую ей же игрушку детства.

Она прижала ангела к груди. Впервые за долгое время Алиса осознала: ее не терпят. Ее ждут.

— "Я надеюсь, ты понимаешь, что твое пребывание у бабушки — мера временная. Мы с отцом решили вопросы с имуществом, и я найду нам квартиру. Только не вздумай рассказывать в школе про... ситуацию дома. Держи лицо, слышишь?"

Утро выдалось, на удивление, прозрачным, будто кто-то стер с неба слой вчерашней грязи и копоти. Алиса шла к учебному заведению с тяжестью на спине — бабушка Пахом завернул ей пару оладий в салфетку, ведь на голодный желудок ничего не пишется. От выпечки все еще веяло ванилью, от того и повышался голод.

— Мам, папа проиграл наше жилье. Какое лицо мне держать?

— "Алиса, не смей со мной так..." — начала она, но закончить не успела.

Со спины налетел ураган. Рука обрушилась на плечо, и радостное сопение над ухом побудило оглянуться.

— А я то думал, тебя вчера похитили инопланетяне!

Арсений. Личный солнечный удар Алисы в человеческом обличье. Его вихри ярких волос вечно торчали в разные стороны, не признавая расчесок. Лицо густо усыпано веснушками. Он светился, несмотря на то, что на пальто не хватало пуговицы, а из приоткрытого рюкзака торчала помятая тетрадь. Сеня был из тех редких людей, кто умудрялся видеть радугу даже в луже бензина.

— Привет, Сень, — Алиса сбросила вызов, мигом попрощавшись с матерью. — Ты чего такой... шумный с утра?

— Так, жизнь прекрасна! — он пританцовывал рядом, улыбаясь во все тридцать два зуба. — Я нашел на тротуаре пятьдесят рублей. Это же знак! День будет легендарным. Кстати, от тебя пахнет вкусно. Ты что-то купила?

Его безудержный оптимизм был не к месту. Алиса потянулась щекотать того за бока, отчего Сеня отпрыгивал назад с мольбой на прекращение мучений.

— Дедушка передал, — девушка протянула ему один оладушек. — Держи, легендарный ты наш.

— О-о-о, божественный дар! Теперь я готов завоевывать сердце Евы. Ты видела ее сегодня? Она прошла мимо ворот, что птицы замолкли от ее красоты...

Они подошли к массивным дверям школы. Арсений поправил лямку рюкзака и первым толкнул створку. Ввалился в холл со своим неизменным жизнелюбием. Пока дожевывал оладушек и о чем-то рассуждал, его левый кроссовок зацепился за высокий порог.

— Оп-ля! — выкрикнул он, когда земное притяжение решило познакомиться с ним поближе.

Сеня совершил пируэт, напоминающий танец раненого кузнечика. Его огромный рюкзак перевесил, и Арсений, забавно взмахнув руками, по инерции пролетел лишних три метра. Остановился он только об спину парня из параллели, ткнувшись лицом прямо между лопаток.

— Пардон! Техническая неполадка! — Сеня отскочил, поправляя съехавшие на кончик носа очки.

— Ходить научись на ногах, рыжий.

— Я только тестировал прочность ваших полов, месье! Пять из пяти, кости целы!

Но стоило продвинуться дальше, как атмосфера сменилась.

У раздевалки, сгорбившись, как бандитки из дешевого сериала, стояла свита Кати. Девочки вальяжно привалились к стенке. Сам «комитет по встрече» во главе с их негласным лидером Екатериной. Это королева дворовых интриг с бантиками на голове и улыбкой вырезанной ножом.

— Ой, смотрите-ка, — протянула она, оторвавшись от хихиканья подружек, — рыжая монстресса и падшая принцесса пришли.

Катя была из тех девушек, чье появление заставляло оглядываться. Она объективно хороша, пугающе хороша — на том же недосыгаемом уровне, что Ева с Владом и Марком, но совершенно в другом, агрессивном ключе.

Ее прямые иссиня-черные волосы глянцево поблескивали при движении, обрамляя лицо с тонкими чертами. В отличие от светлой прозрачности Евы, Катя обладала коньячно-карими глазами, в которых полыхало неприкрытое бешенство. Лисий взгляд темных глаз в сочетании с густыми ресницами придавали ей образ сирены из старых легенд — прекрасную, но смертельно опасную.

Гул сотен голосов учеников, бьющихся о стены школы, превратился в неразборчивый белый шум, на фоне которого особенно отчетливо слышался издевательский смех Кати. Каблуки стучали по мрамору, как по смертному приговору. Стены, увешанные детскими рисунками прошлых лет, смотрели на Алису и Сеню, как судьи: "Вас здесь не будет".

И, в этот самый миг, — тихо, почти незаметно — к компании приблизилась Ева. Она двигалась так, словно не касалась пола, а летела. Подала Кате бутылку с водой без лишних дерганий.

— Держи. Ты же просила?

Ева стояла с протянутой бутылкой, но та, увлеченная созерцанием растерянного Арсения, не спешила забирать подачку. Пауза затянулась, становясь осязаемой.

Ева неловко обвела взглядом остальных девочек из свиты. В нахмурировании тонких бровей читался немой вопрос: "Неужели мне нужно повторить?". Подруги Кати тут же спрятали глаза, — никто не рискнул перехватывать жест, который предназначался только для их главной.

Поняв, что внимания не дожидаться, Ева почти незаметно повела плечом, опустив руку. Она намеривалась убрать бутылку в сумочку. Но в последнюю секунду — развернулась корпусом в сторону Сени. Мимолетный поворот, мучительный и одновременно притягательный блеск ее глаз встретился с голубыми глазами Арсения. Для него это было похоже на сошествие божества к смертному.

В его груди все сжалось. Он забыл как дышать. Кислород исчез. Остался одинокий ужас перед тем, кто, казалось, не должен быть здесь, в этом мире.

Для Сени — Ева являлась не простой девочкой из класса. Она была живым шедевром, сошедшим с картин, идеальной гармонией, которую он не смел коснуться, даже если сильно хотел.

Ее глаза имели самый редкий оттенок — прохладно серый, как шторм над бушующем морем. В них не валялось лишних эмоций и не проступала слабость. Только умиротворение, которое Арсений воспринимал как глубокую, душу раздирающую грусть.

Он видел в ней недостижимую музу, облаченную в никогда неменяющуюся безупречно выглаженную белую блузку.

Только тогда Катя, очнувшись от гипноза, выбросила руку, выхватывая бутылку.

— Спасибо, солнце! Ты меня спасла, я прям умираю от жары, — Катя драматично замахала ладонью, нагоняя на себя ветер. Сделала глоток и перевела взгляд на парнишку. — Девочки, вы только посмотрите на это. Наш маленький снова в астрале. Сенечка, осторожно, у тебя слюна на ботиночки капает.

Весь холл, залитый пафосным утренним выступлением, внезапно перестал казаться школьным коридором. Для Алисы он напоминал театральную сцену, где декорации из мрамора были фальшивыми, а люди — манекенами в обертках.

Звуки глохнули, превращаясь в неразборчивый ритм, и только издевательский голос Кати резал слух.

— Соколова, ты чего такая каменная? Где твои манеры? Давай, скажи нам что-то на своем богатом! — донеслось из уст кудрявой девки из свиты.

Алиса шагнула вперед. Один шаг, но такой весомый, что воздух в радиусе метра заледенел. Заполнила собой пространство, что смеющиеся девочки — примолкли, поперхнувшись приступом задора. Алиса не кричала, не махала руками. Хотелось высказать в лицо, что каждый вздох стоит куда меньше, чем одно честное признание Сени. Намеренно встала между другом и сияющей компанией задир, выпрямив спину так, будто в позвоночник вставили стальной стержень.

Она глядела на Еву — такую отстраненную, — и эта маска не виновника вызвала у Алисы лишь глухое раздражение. Как можно быть такой красивой и такой... бесчувственной? Ева не заинтересовано поправила ляжку сумки, обрывая зрительный контакт.

Но, как только Алиса хотела было вставить слово — Катя толкнула ее в грудь.

Пешки Екатерины перебежали на другую сторону, хватая с ухмылками под локти Алису. Они позволили той выхватить рюкзак Арсения. Девки не давали и шелохнуться. Алиса зашипела. Все повторяла:

— Отойди! Отойди от него!

— Что-что? Не слышу. Ты что-то сказала? — Катя с щенячьим взглядом осмотрела девушку, прислонив руки к груди. — Девочки, вы бы ей рот прикрыли.

Рандомные сверстники, обратив на кучку внимание, сбежались посмотреть на бесплатное шоу. Они оставляли куртки на диванчиках или не списанные работы, чтобы узнать, что происходит. В центре собирались настоящие смельчаки, готовые разбежаться при виде соцпедагога.

Вспыхнули экраны смартфонов. Камеры телефонов, как черные глаза насекомых, уставились на них с разных ракурсов, настраивая камеру. Катя, почувствовав поддержку всплыв-

шей аудитории, расцвела. Она демонстративно подняла за лямку портфель, удерживая его на кончиках пальцев, делая ее визуально элегантной.

Толпа напирала. Чьи-то наглые руки тянулись к их вещам, кто-то специально попытался стянуть заклепку с головы Алисы, но та среагировала быстро. Она выдернула руку с такой неимоверной силой, что не успела осознать, как наотмашь отбила тянувшегося.

Ее настигла непрошенная вина. Она понимала, как судьба жестоко обошлась с Арсением. Слеза стекала по ее щекам. Она лицезрела, как ожесточенная Катя ходит кругом поодаль Сени, что стоял с опустившемся носом, как и ее подруги, стая хищных птиц, окружили его. Она знала, — это ее вина.

Попытки Алисы вырваться, выхватить друга из лап, были тщетны. Девушки, встряхнули ее, не замечая отчаяния. Алиса почувствовала себя ничтожной, такой беспомощной.

Когда-то Соколова сама настояла о переходе. Ей, привыкшей к элитной гимназии, хотелось настоящей жизни, подальше от наигранности учителей и детей, что пытались завязать с ней диалог. Поначалу на нее смотрели с настороженностью — как на экзотическую птицу, случайно залетевшую в двор. Но безмолвие длилось недолго.

Появился Арсений.

Это произошло в столовой. Кто-то из мальчиков толкнул Алису, и поднос с едой полетел на пол. Жирный суп залил ее брюки, а насмешливое улюлюканье зазвучало вновь. Она стояла посреди столовой, не в силах пошевелиться, когда выскочил этот рыжий паренек.

Арсений отшучивался, пока помогал ей собирать ошметки еды с пола. В тот день он проводил ее до самого дома, всю дорогу нескладно рассказывая о цветовых рефлексах в воде, лишь бы она не плакала.

С того самого дня Арсений добровольно надел на себя мишень. Он стал еще одной жертвой, вторым номером в их маленьком клубе отверженных.

Девушка вспомнила слова Марка про отца. Как оказалось, всплыла информация. Ее папа, известный журналист-расследователь, чей голос когда-то гремел на всю страну, превратился в банкрота, исчезнувшего с горизонта окончательно. И ранее эта перемена звучала во многих мессенджерах и сайтах. За одну ночь «принцесса» стала мишенью.

Алиса моргнула, возвращаясь в реальность. Прямо сейчас Сеня, ее настоящий друг, расплачивался за свою доброту.

Катя, упиваясь собственной властью, разжала пальцы. Портфель упал ей под ноги, подняв облачко пыли с пола. Она вновь глотнула воды, а затем, не глядя, швырнула ее за спину Сени. Бутылка пролетела в сантиметре от уха, отчего парень пошатнулся.

— Ой, чуть не попала, — Катя улыбнулась, даже не обернувшись.

— Кать, пожалуйста, верни рюкзак.

— Вернуть? Сень, ты чего? Мы же хотим помочь! — она выгнула брови, кивая своим подругам. — Вдруг там внутри что-то опасное? Вдруг ты носишь там... свои влажные мечты? Ты ведь понимаешь, что Ева — это высшая лига?

Одна девочка из группы тут же подскочила к лежавшему портфелю и, рванула молнию на себя. Ручка, ластик, вырванные листы с записями лекций полетели вниз, пачкаясь о подошву чьей-то обуви.

Катя небрежно указала большим пальцем назад, на замершую в паре метров Еву.

— Ева, посмотри на него. Он же в обморок падает от твоего взгляда. Сень, признайся, ты ведь даже дышать боишься, когда она рядом? Думаешь, мы ни о чем не знаем? Надеюсь, что, если пролайкаешь ее посты, она заметит твое существование?

Сеня замолчал, посмотрев на свою музу. На его щеках, прямо поверх золотистых веснушек, проступил пунцовый румянец. Для него это было пыткой: Ева видела его позор, видела дырявый рюкзак в чужих руках.

Блондинка заторможенно перевела взгляд с Кати на Арсения. Она молчала, предпочитая сливаться с лицемерами. Поправила вьющуюся прядь за ухом, отворачивая голову.

— Ой, фу-у! А это еще что? — та самая девка, что осматривала содержимое портфеля Сени, брезгливо фукнула, держась ногтями за край чего-то плоского и жирного. — Это... сухарь какой-нибудь? Ты настолько бедный, что доедаешь объедки за голубями?

— Это оладушек! — вскрикнул Арсений, бросаясь вперед, но Катя преградила ему путь, выставив ладонь.

— О-о, оладушек для Евы? Как романтично! — Катя захлебывалась от смеха, демонстрируя толпе сверток с оладушком. — Слышала, Ева? Тебя приглашают на пир!

Кто-то из толпы направил объектив телефона прямо в лицо Евы.

Та, выглядящая безучастным зрителем, изменилась в лице. Она не стала смеяться в голос, как остальные, — это было бы слишком нагло для ее образа. Вместо этого прикрыла рот рукой, прячась от объектива, и ее плечи заметно дрогнули. Она издала короткий, сухой смешок.

Этот жест — кокетливое, почти эстетичное высмеивание — было в тысячу раз больше открытых оскорблений Кати. Ева смеялась для кадра. Она играла свою роль в вирусном видео, где Сеня был главным клоуном.

Арсений не шевелился. Он либо заплачет, либо убежит. Но вдруг он ступил вперед и... рассмеялся. Громко, искренне, подхватывая общий хохот, чем ввел Катю в кратковременный ступор.

— А что? — Сеня развел руками, едва не сбив подкравшегося сзади пацана, что тут же отступил. — Дедушкина кулинария — это вам не молекулярная кухня! Кать, ты аккуратнее с ним. Один кусь — и начнешь квакать похуже жабы. Хотя... ты и так на нее смахиваешь.

— Что? — спросила она, расширив глаза.

Арсений поправил края голубой рубашки и отвесил неуклюжий поклон в сторону Евы.

— Простите, о Ваше Высочество, за столь скромное предношение! В следующий раз обещаю добыть для Вас хотя бы круассан.

Его способность превращать унижение в балаган была его щитом. Он смеялся над собой громче всех, маскируя ту неприязнь, когда натыкался на безразличие Евы.

Бедствие голосов сменилось взволнованным шепотом. Толпа, только что жаждущая продолжения, синхронно обернулась к входу, и по рядам пронеслось: "Громов...".

Подруги Кати, удерживающие Алису, тут же отпрянули. Их лица вытянулись, а дерзость испарилась, уступив место инстинктивному любопытству. Катя, фыркнув, скрестила руки на груди, глядя туда же, куда и большая масса собравшихся. Девушка, державшая портфель Арсения — откинула его, что тот проехался по полу к, не обращавшей внимания на шепотки, Алисе.

Соколова тут же бросилась к рюкзаку. Опустилась на колени на холодный кафель, торопливо собирая рассыпавшиеся принадлежности друга. Кольцо людей вокруг стремительно распалось: школьники поспешно прижимались друг к другу, освобождая широкий проход.

По коридору, не сбавляя шага, шли двое. Марк Громов и его друг Влад. Влад что-то негромко говорил, уткнувшись в экран телефона, его лицо не выражало ровным счетом ничего. Марк шел рядом, засунув руки в карманы штанов.

Они шли так, будто главный коридор был абсолютно пуст, игнорируя десятки взглядов, прикованные к ним. Марк не замедлил шаг, не остановился и не окликнул Алису. Но в какой-то момент его голова повернулась. Тяжелый, многозначачий взор кофейных глаз на долю секунды остановился на Алисе, собиравшей вещи с пола.

Он видел ее, рассыпанные вещи. Как она, павшая на колени, пыталась придержать одной рукой сползающий на лоб лохматый пучок, соорудивший в спешке еще дома. Прическа окончательно съехала набок, и несколько прядей выбились, прилипнув к лицу. Рукава ее толстовки небрежно подкатанные до локтей, открывали вид на тонкие раскрасневшиеся запястья.

А край короткой юбки задрался, обнажая ноги в капроновых колготках, что явно не вписывались в глянцевого стандарт Кати и ее компании.

Она выглядела по-детски забавно, почти жалко — маленькая взъерошенная фигурка на фоне парадной раздевалки.

И когда Алиса потянулась за последним пакетиком, уловила на себе чей-то взгляд. Вскинув голову, она столкнулась с глазами Марка. Внутри все оборвалось, но она взяла себя в руки. Не отвела глаз, не покраснела. Напротив — выпрямилась, насколько это было возможно сидя на корточках, и вскинула подбородок с таким независимым видом, будто собирать мусор с пола в окружении врагов было ее выбором. В ее глазах так и читалось: "Видишь, что могут девушки и без мужских подачек?"

Но Марк уже отвел взор вбок, туда, где рядом с Алисой возился Арсений, перехватывающий ее пальцы. Он пытался окликнуть Алису, но не выходило. Сам отобрал пакет и всунул его в рюкзак.

Застав «сладкую парочку» изгоев, Марк отвернулся. Его брови сошлись на переносице в складку, а взгляд приковался к долгожданной лестнице.

— Ну и ладно, — прошептала Алиса, сжимая кулаки. — Иди куда шел, Громов.

— Алис, ты чего? — Сеня обеспокоено заглянул ей в лицо, но та даже не моргнула.

Вчера он говорил, что опаснее всех, но сегодня даже посмотреть на нее не смог.

Девушка поднялась, отдергивая края юбки, и, подтолкнула друга к концу коридора.

— Ты иди в класс. Я догоню через пару минут. Нужно... привести себя в порядок, — бросила она, указывая пальцем на растрепанную себя.

Сеня понимающе кивнул и, неловко перехватив портфель, побрел к кабинетам. Алиса же почти бегом скрылась за дверь уборной. Внутри, к ее облегчению, никого. Только шум воды, бьющей в фаянсовую раковину. Она жадно плеснула ледяной водой в лицо, смывая чувство раздражения. Пучок окончательно развалился, и она стянула волосы в тугий низкий хвост, закатив рукава толстовки выше.

Алиса выключила кран, даже не взглянув в зеркало. Ей меньше всего хотелось видеть собственное разбитое состояние. Она лишь вытерла лицо краем рукава и, глубоко вдохнув, толкнула дверь в коридор.

Она рассчитывала проскочить в кабинет незамеченной, но стоило ей сделать шаг, как увидела сидящего на подоконнике Влада. Он выглядел так, будто ждал ее вечность.

Если Марк был сгустком мрачной, давящей тишины, то от Влада исходила энергия бестактности. Когда он заметил вышедшую Алису — расплылся в широкой, ослепительной улыбке, которая заставила пару проходящих младшеклассниц покраснеть. Он был из тех парней, кто умудрялся выглядеть стильно даже в перепачканной одежде, и чье имя знал каждый школьник.

— Ну наконец-то, — воскликнул он так громко и радостно, будто они были лучшими друзьями. — Я уж думал, ты там решила утопиться. Выглядишь... суетливо.

Алиса сжала лямку рюкзака.

— Ты что? Тоже один из них? — вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать. — В той банде? Вчера в цеху... тебя там не было, но ты...

Влад наклонил голову набок, изображая задумчивость.

— О, Марк — это классическая драма, а я чистый поп-арт. Я везде, где есть Марк. Это избавляет его от лишней работы и... ненужных людей.

Алиса хотела уйти, но тот остановил ее. Он подскочил с подоконника и опередил девушку, вставая напротив.

— Я же это без наезда. Ты только послушай. Марк — человек импульсивный. Постоянно включает своего «рыцаря печального образа», да? Он может наговорить лишнего, а может и поверить в собственное благородство. Но реальность, уверен, сложнее.

Он сократил расстояние между ними, но сделал это так спонтанно, что Алиса едва поняла, что оказалась между ним и перилами лестницы.

— Алиса, верно? — Влад нахмурился, пытаясь разглядеть ее имя в воздухе, хотя они учились в одном классе уже не первый месяц.

Алиса опешила. Горло сдавило от обиды — она столько времени считала, что ее существование хоть как-то зафиксировано в памяти одноклассников, а один из королей школы даже не был уверен, как ее зовут.

— Вообще-то, да.

— Класс. Так вот, Алис, ты же умная девочка, хоть и выглядишь как жертва кораблекрушения, — его глаза скользнули по девушке, а губы расплылись в мальчишеской, обезоруживающей улыбке. — А у тебя фигурка-то — огонь. И глаза... такие огромные. Жаль, что ты их прячешь за вечно кислым видом.

Алиса застыла, не зная, как реагировать. Это было настолько по-холостяцки прямолинейно, что она на секунду забыла, как рот раскрывать. Его ребячество сбивало с толку: он только что унизил ее тем, что забыл имя, и тут же отвесил комплимент.

Влад, не дожидаясь ответа, стал серьезнее, почесав затылок.

— Это... Я здесь, ну, считай, работаю переводчиком. Перевожу рычание Марка на человеческий язык, чтобы ты не нафантазировала себе лишнего. Марк нелюдим не потому, что он крутой, а потому, что он ходячая катастрофа. Не лезь в это. Ты для него будешь лишним грузом, который он потащит на дно в порыве своего внезапного благородства.

Он похлопал ее по плечу приводя в чувство так, что она просела в коленях.

— Твои прогулки могут закончиться плохо. Ошибки в нашей компании стоят дорого, — и он вновь улыбнулся своей фирменной улыбкой, от которой у половины школы подгибались ноги. — Больше не привлекай внимания. У тебя это получается катастрофически плохо.

Голоса в классе давили на виски, но Алиса моментально нашла глазами ее место — самую последнюю парту в углу со шкафом, подальше от посторонних глаз. Обычно она с Сеней садится туда в трудные дни, чтобы позволить себе расслабиться и подумать, как можно поступить дальше.

Там уже сидел Арсений. Он выглядел так, словно из него выкачали кровь: плечи понуро опущены, нос почти упирался в столешницу, а взгляд застыл на сцепленных в замок пальцах. Его обычный оптимизм сменился оцепенением.

Алиса тихо опустилась рядом, поставив рюкзак поодаль парты. Она проследила за направлением его невидящего взгляда — он смотрел на третью парту первого ряда. На ту самую, что всегда сияла идеальной чистотой и сейчас пустовала, дожидаясь свою королеву.

— Ты так из-за Евы? — негромко спросила она.

Нос Сени смешно дернулся, и он поднял голову. Вопреки ожиданиям Алисы, он не заплакался. Напротив — на его лице растянулась вымученная лыба.

— Как тебе только на ум такое могло прийти? — он приложил руку у сердцу, его голос прозвучал по-прежнему звонко. — Как думаешь, если я еще больше посинению, мне дадут Оскар за лучшую роль скорбящего?

Алисе хотелось за глупость отвесить подзатыльника. Она даже замахнулась, но видя то, как рыжеволосый отложил окуляры, потирая глаза, — откинулась на спинку стула.

— Дурак ты, Сень...

— А о чем говорить? Ева... Ну, ты же знаешь, таким, как ей — положено опаздывать. Если бы она пришла заранее, это бы разрушило весь ее ореол. А так — интрига! Драма! Такие истории заканчиваются хеппи-эндом.

Надрывный звонок на урок разрезал его тираду. Алиса обернулась на звук захлопнувшейся двери. В класс, как ни в чем не бывало, зашел Влад, а следом за ним показался и где-

то ранее блуждающий Марк. Громов тут же нырнул в руки, присев за предпоследней партой третьего ряда. Так он выстраивал барьер между собой и миром.

Вокруг них образовалось живое кольцо из стерв класса.

— Влад ты обещал мне шоколадку! — перебивая друг друга, щебетали девочки. — Громов, не будь букой, пойдем сегодня на квиз, у нас как раз одного человека в команде не хватает!

Сеня, глядя на парад популярности, тихо присвистнул, снова возвращаясь к своему обычному состоянию «комментатора событий».

— Гладиаторы вышли на арену. Влад раздаст автографы и воздушные поцелуи, а Марк... Марк, кажется, планирует аннигилировать их одним взглядом. Жаль, у меня нет попкорна.

Влад, не обращая внимания на ранее прозвучавший звонок, с кошачьей ловкостью запрыгнул прямо на парту одной из девочек, сидевших впереди. Он чувствовал себя как в фильме. Пока одноклассницы заваливали его предложениями на вечер, он, ни капли не смущаясь, притянул к себе одну из них за талию и, блеснув голубыми глазами, запечатлил быстрый, нахальный поцелуй в ее покрасневшую щеку.

— О-о-о! — хором выдохнул класс, а девочка чуть не сползла под стол от восторга и шока.

Влад подмигнул ей, наслаждаясь произведенным эффектом. Но идиллия длилась недолго.

Марк, который успел очухаться в своем мире, наблюдал за цирком с нарастающим раздражением. Его челюсть плотно сжата. В какой-то момент он не выдержал: его рука молниеносно метнулась к краю парты, где лежал оставленный Владом пенал.

Футляр, набитый линерами, врезался в лопатки Влада.

— Эй! — парень подскочил на месте, чуть не свалившись с парты, и обернулся.

Марк и головы не поднял. Лежал на парте, и только приглушенное бурчание донеслось из его уст:

— Заткнись уже... клоун. Тошнит от тебя.

Влад вместо того, чтобы обидеться, громко расхохотался, подбирая пенал.

— Видали? — он широко развел руками, обращаясь к притихшим девочкам. — Наш принц ревнует! Не переживай, Маркуша, я и тебя чмокну, если будешь хорошо себя вести.

Алиса усмехнулась. Этот звук пронзил плотную паутину тишины, что легла в классе после шутки. Девичья усмешка, короткая, сухая, а потому еще более пронзительная, разорвала наведенное спокойствие, как острый коготь.

Марк, замычав от уловимого звука, напрягся. Его плечи, доселе расслабленные, окаменели. Удар его стопы о ножку стула, глухой и яростный, прозвучал как подтверждение — смех Алисы ему был не нужен, он был лишним.

Катя, сидевшая двумя рядами спереди, повернулась, запрокинув ногу на ногу. Придвинулась ближе к спинке парты. Ее выщипанные брови взлетели вверх, а глаза, обычно яркие и живые, сузились, превращаясь в колючие щелки.

— Соколова, — прошипела она, голос ее словно скребся по стеклу, — тебе что-то кажется смешным? Ты теперь у нас в эксперты по юмору записалась или просто радуешься, что в этом пыльном, скучнейшем кабинете происходит хоть что-то, что может отвлечь тебя от твоей никчемной, унылой жизни?

Ее подруги, точно прикормленные, тут же подхватили настрой, залиvisto прыская в кулаки. Их переглядки были исполнены ядовитого понимания.

— Может, она думает, что Влад ее следующую поцелует? — выкрикнула одна из выскочек Кати, и класс, словно по команде, взорвался новым, еще более злобным приступом хохота. — Мечтать не вредно, Соколова! Только сначала лицо свое поправь, а то выглядишь не как вишенка на торте, а как какая-нибудь заплутавшая алкоголичка, шастающаяся по подъездам в поисках приключений.

— Оставьте ее, мои ж вы девчоночки, — бросил Влад, ловко спрыгивая с парты. — У нее хотя бы есть чувство ритма. Она оценила подачу Громова раньше, чем вы, мои дорогие, поняли, что в меня вообще что-то прилетело.

Арсений, сидевший рядом с Алисой, наклонился к ней, его шепот попытался разрядить накаляющуюся обстановку:

— Ты это полегче, а? Катя в тебя вместо пенала плюнет, я же потом не отмоюсь.

— Кать, ты так переживаешь за меня, как будто я — самое интересное, что случилось с тобой утром. Или ты расстроилась, что Влад поцеловал не тебя, и теперь ищешь, на ком бы выместить обиду?

Подруги Кати, наткнувшись на штык, примолкли. Никто, совершенно никто не ожидал от Алисы исподтишка нанесенного удара.

Катя подскочила со стула, что тот с грохотом отлетел назад, ударившись о парту другого ученика. Всем стал замечен ее безупречный силуэт. Короткая юбка и облегающий жакет, подчеркивающий каждый изгиб тела. Но главной деталью были ее каблук — высокие, тонкие шпильки, добавляющие роста и властной грации.

Она размашисто смахнула смоляные волосы за спину, и Алиса засмотрелась на профиль лица: если Ева была музой, то Катя была хозяйкой, и прямо сейчас эта хозяйка была готова объявить Алисе войну. Брюнетка перенесла вес с одной ноги на другую, и тонкий каблук цокнул о пол, ставя точку в невысказанной угрозе. Ее челюсть ходила ходуном от сдерживаемого вскрика.

— Ты... да как ты смеешь открывать свой рот?! — взвизгнула она, подаваясь вперед. — Ты, чьи слова больше не имеют веса и...

Катя набрала в легкие воздуха, чтобы выдать тираду, но так и не смогла ничего из себя выдать.

Марк, сидевший гранитной глыбой, почти неохотно разомкнул глаза. Он выпрямился и уставился на Алису с нескрываемым интересом, будто он впервые увидел ее по-настоящему, во всей красе. На его губах не появилось улыбки, но его челюсть, до этого напряженная, — расслабилась.

— О-о-у! Слышали? Наша кошечка выпустила когти. Кать, кажется, тебе только что прописали курс таблеток от завышенного самомнения.

Но закончить Влад не успел. Дверь кабинета с грохотом распахнулась, и в класс вошел учитель биологии. Он обвел классом взглядом поверх очков, и шум стих, оставив в воздухе предчувствие беды.

— По местам! Быстро!

Катя все стоящая с возмутительным видом, столкнулась со строгостью вошедшего педагога, что уставился с вызовом. Она еще секунду сверлила Алису взглядом, обещающий скорую расправу, но из-за педагога была вынуждена сесть обратно.

Учитель прошел к рабочему месту, не замечая накаленной атмосферы.

— Так, — сказал он, кладя журнал на стол. — Раз у вас веселое настроение, — оставайтесь без просмотра фильма. Открывайте параграф. Начинаем с теории, а там глядишь, — и до практики доползем.

Алиса, смотрящая себе под ноги, ощутила давящий взгляд. Она дернула головой, вцепившись в предплечья. За партой на нее смотрел Марк.

Он осматривал ее. Без спешки, изучающе, задерживаясь на растрепанных прядях, на руках толстовки и на бесстрашном выражении лица, еще не успевшем сойти после стычки с Катей.

Но Алиса первой прервала зрительный контакт. Она отвернулась, сжимая челюсти так, что зубы скрипнули. Она придвинулась к парте, сокращая дистанцию между собой и учебниками, выстраивая баррикаду.

Бросила мимолетный, оценивающий взор на Сеню. Друг выглядел более-менее живым: не прятал нос в ладони, суетливо нацеплял очки, пытаясь изобразить крайнюю степень погруженности в параграф. Его натянутая улыбка была лучшим знаком того, что он готов держаться дальше.

Вход кабинета еще раз скрипнул, но на этот раз не борзо, а неуверенно, будто у того, кто стоял за ней, не хватало сил войти. В класс забралась Ева.

Она шла по классу, опустив голову, но даже ее выправка не могла скрыть очевидного: она была разбита. Макияж чуть смазан у уголков глаз, а кончик носа и скулы покраснели от воздуха или, вернее, от долгих рыданий. Она не смотрела на одноклассников.

— Ева, ты опоздала на двадцать минут, — подметил учитель, но, взглянув на ее лицо, осекся. — Садись. Надеюсь, причина была уважительной.

Но та ничего не ответила, лишь молча опустила с Катей. Та тут же потянулась к ней, что-то встревоженно шепча, но Ева качнула головой, закрываясь волосами, как занавесом.

Рядом с Алисой послышался вздох. Арсений не смог и глаз сомкнуть. Его пальцы, только что державшие ручку, безвольно сжались. Он смотрел на спину девушки с таким видом, будто его сердце выставили под микроскоп и начали разрезать.

— Она... она плакала, Алис, — его шепот был еле услышан, что Алисе самой стало не по себе.

— Что? — спросила она, отрываясь от тетради.

— Кто-то ее обидел. Кто это мог быть?

Сеня подался вперед, почти касаясь грудью парты. Он забыл и про буллинг Кати, и про собственные унижения. Для него мир сузился до дрожащих плеч.

Алиса положила ладонь на спину парня, пытаясь вернуть его из оцепенения.

— Сень, тише... Ты ей сейчас ничем не поможешь. Только на себя огонь вызовешь, — шепнула она, мягко потянув за край рукава назад.

И Сеня подчинился. Алиса же, стараясь спрятаться от внимания Кати, опустила голову. Она хотела сосредоточиться на биологии, вникнуть в термины, записать имена ученых, но, взглянув на разворот тетради, нахмурилась, прикусив ручку.

Вместо конспектов и дат открывателей на нее смотрел Марк...

Рисунок, сделанный в порыве неосознанного транса, получился необычно живым. Она вывела линии очертания лица, излом бровей и разрез карих глаз. Алиса обвела контуром его широкие плечи, затянутые в вечную черную ткань, и ее мысли унеслись к ночному цеху.

Она украдкой посмотрела в сторону предпоследней парты. Марк сидел в своей привычной позе, откинувшись назад, и с видом скуки крутил шариковую ручку. Он казался обычным прогульщиком, которому плевать на все, кроме звонка с урока. Но Алиса знала правду.

Зачем тебе это? Задавала она немой вопрос его профилю. *Зачем парню, живущему в спальном районе, такая краска?*

Она вспомнила те баллоны — профессиональные, редкие, принадлежащие обеспеченным вандалам и райтерам. Она знала, сколько стоит один такой мазок, перекрывающий кирпичные стены. Это не были карманные деньги, сэкономленные на обедах. За этой краской стоял кто-то влиятельный. Кто-то, кто передавал ее через границы, как контрабанду, чтобы Марк мог метить город крыльями.

— Соколова, я не вижу, чтобы ты решала задачу, — голос учителя вывел девушку из раздумий. — Подойди к доске вместе с Громовым, за которым, между прочим, весит должок по моему предмету.

Алиса захлопнула тетрадь. Она не шелохнулась, надеялась оказаться незамеченной. Но Марк, не дожидаясь второго приглашения, поднялся с места. Он направился к доске вальжной походной, всем своим видом демонстрируя задолбанность. Остановившись у меловой черты, соединил пальцы на уровне бедер, уставившись в окно, мимо учителя.

— Алиса, я жду. Повторяю: к доске.

Глаза Алисы испуганно забегали по парте. Ладони становились влажными. Осознание того, что ее размышления о Марке заперты под обложкой тетрадки — обжигало. Но затянувшаяся пауза привлекала внимание класса, и девушка, пересилив себя, поднялась.

— И записи свои возьми. Мне они нужны для дополнительной оценки. До ЕГЭ осталось всего ничего, а ты выбрала мой предмет профильным. Нужно видеть динамику.

Учитель перевел взгляд на Громова:

— Тебя это тоже касается. Сдай конспекты.

Алиса, стараясь не смотреть на Марка, прошла к столу и положила тетрадь поверх классного журнала. Громов небрежно кинул листочек, не заботясь о том, что он мог соскользнуть на пол.

— Рутина, Громов. Рутина...

Мужчина поднялся и прошел к доске, вставая между ними двумя. Не теряя времени — вывел условие задачи по генетике.

— Пока проверяю ваши каракули, решите мне это. Громов — левая часть доски, как для не сдающего, а Соколова — правая. Приступайте.

Алиса выводила первую схему скрещивания, но ее мысли были бесконечно далеки от аллелей и генотипов. Периферийным взглядом уловила, как мужчина поправив очки — потянул к себе ее тетрадь.

Раздался шелест страниц. Один разворот, другой... и затишье.

Девушка остановилась, так и не дописав букву. Учитель поднялся, не сводя глаз с бумаги.

— Соколова... Впечатляюще. Гениально для отличницы.

Он взял тетрадь в руки и, сделав пару шагов вперед, развернул ее к доске, показывая рисунок Алисе и застывшему рядом Марку. На белом листе в клетку, среди обрывков биологических терминов, Громов выглядел более живым, чем в реальности. Алиса передала все: и ту самую складку у бровей, и скулы, и даже неуловимый холод, который он источал.

Марк впился в портрет. Он всматривался в него так пристально, будто пытался найти в штрихах ответ на внутренний вопрос. Положил мел, хватая тетрадь. Марк повернул рисунок к классу.

Одноклассники взорвались.

— Офигеть... — выдохнул кто-то с передних парт.

Десятки рук нырнули под парты, и кабинет осветили вспышки и тусклые экраны смартфонов. Те, кто сидел ближе, снимали видео, переводя камеру с портрета на Алису и ухмыляющегося Марка.

— Соколова-то у нас тайная фанатка Громова!

Катя побледнела, глядя на то, как все внимание переключилось на нелепую ситуацию, а Алиса готова была провалиться сквозь землю под перекрестным огнем камер.

Марк неподвижно смотрел на рисунок. Катя уже победно вскинула подбородок, предвкушая, как Громов в клочья изорвет тетрадь.

Но вместо того чтобы разозлиться, Марк склонил голову набок, рассматривая штриховку. Уголок его губ дернулся вверх.

— Я всегда знал, что выгляжу как алкоголик, но чтобы таким приукрашенным... — его голос, обычно хриплый и низкий, прозвучал неожиданно мягко, с отчетливой ноткой иронии, — Даже нос выровняла.

В классе кто-то прыснул, но это был не злой смех, а скорее облегчение. Алиса, ожидавшая удара или презрения, стояла с мелом в руках, во все глаза глядя на расценку Марка.

— В твоей Вселенной у меня такой профиль? Овал лица мне выпрямила.

К щекам прилила волна жара — на этот раз не от страха, а от небрежной похвалы. Ее рука дернулась сама собой.

— Верни! — выпалила она, совершая выпад.

Но Марк поднял руку вверх, вытягивая тетрадь над головой. Алиса, не задумываясь о том, как нелепо выглядит со стороны, начала прыгать и дотягиваться до конспектов. Она едва доставала до его макушки, и ее попытки поймать тетрадку напоминали летающих птиц вокруг невозмутимой скалы.

Марк, продолжая рассматривать портрет, отходил к стенке, не опуская руки.

— Да подожди, я еще не рассмотрел, — поддразнивал он.

— Громов! Соколова! — учитель напомнил о себе, заставляя Алису врезаться в грудину парня, а самого Марка — опустить руку. — Мы здесь генетику изучаем, а не баскетбол тетрадками устраиваем. Марк, отдай тетрадку владелице и к задаче. Живо!

Парень, напоследок еще раз бросив взгляд на свой портрет, протянул тетрадь обратно. Когда Алиса выхватила ее, их пальцы на секунду соприкоснулись.

Ироничная искра парня исчезла, а улыбка — стерлась, будто ее и не было, оставив жесткую линию сжатых губ.

Алиса не успела отстраниться, как Марк наклонился к ней и прошептал сквозь зубы так, чтобы слышала только она:

— Смотри не захлебнись. Выбери себе жертву попроще. Иначе я сам сотру твой шедевр, уголек.

□ Глава 2. Цветочный магазин

За окном сгустились синие сумерки, превращая Питерские здания в нагромождение колючих теней. Внутри комнаты пахло заваренным горьким чаем. Единственный источник света — настольная лампа — выхватывала из темноты островки беспорядка: рассыпанные грифели, обрывки ватмана и раскрытую тетрадь. В желтом круге света все выглядело застывшим, почти шакальным, пока Алиса не посмотрела на страницу.

Пальцы похолодели. На нее вновь смотрел Марк, но его лицо было изуродованным. Прямо поверх прорисованных губ, красовался черный крест. Штрихи глубокие, что бумага истончилась.

Это выглядело жутко. Кто-то наложил на него печать молчания. Алиса коснулась отмениты: грифель еще мазался, пачкая подушечку пальца чернилами. Это произошло в школе, но когда именно — она не знала.

Тишину комнаты разрезал телефонный звонок. На экране высветилось: «Сеня»

— "Алиса!" — голос друга в трубке оглушил. — "Ты видела? Видео... Катя выложила его в общую группу. Там все: и как ты прыгаешь, и как Громов стебется. Комментарии адские. Она написала, что ты дорисовала себе реальность, потому что старая не по карману."

Алиса не отвечала. Она смотрела на перечеркнутый рот Марка и чувствовала, как внутри, вопреки волнению, закипает злость. Ее завышенная самооценка, которую сегодня втапывали в грязь все кому не лень, вдруг дала обратный импульс.

— Пусть пишут. Завтра я приду вовремя. И ты не просп.

Выключила телефон, не слушая причитаний.

Из коридора донесся грохот в дверь. Это не был стук гостя. Это был звук человеческого тела, рухнувшего на старые доски.

Алиса бросила взгляд на настенные часы: маятник мерно отсчитывал секунды, а из соседней комнаты доносился приглушенный гул — дедушка Пахом включил телевизор на полную громкость, чтобы посмотреть вечерние новости, и теперь был абсолютно потерян для реальности. Удар в дверь повторился, на этот раз слабее, переходя в царапающий звук.

Сердце Алисы совершило кульбит. Она замороженно подошла к двери. Пальцы коснулись металла засова. Один поворот — и та со скрипом поддалась.

На пороге, еле державшись на ногах, шатался Марк. Он привалился к косяку. Лицо было месивом из багровых кровоподтеков и свежих ссадин, а одну сторону челюсти немного раздуло. Он прижимал ладонь к боку, и Алиса видела, как его пальцы размазывали кровь по футболке.

Парень поднял голову. Его взгляд мутный от боли. Обвел глазами тесную прихожую, вешалку с дедовским старым плащом и задержался на застывшей Алисе.

— Что ты?.. — хрипло выдохнул он. — Ты здесь живешь?

Алиса не успела ответить. Марка прошибла судорога. Он дернулся, сцепил зубы, и вырвал шип:

— Соколова...

Его колени подогнулись, и он стал заваливаться вперед. Алиса успела подставить плечо, принимая на себя весь вес.

— Деда! Дедушка, помоги! — закричала Алиса, пытаясь удержать второго от падения.

В проеме комнаты показался дед, потиравший бок. Но, увидев окровавленного парня на плече внучки, изменился в лице.

— Опять ты, горе луковое... — выдохнул старик, поспешно подходя. — Сколько раз тебе говорить — не лезь на рожон. А ну, Алис, подсоби! Тащи его на диван!

Алиса, задыхаясь от тяжести, помогла дотащить Марка. В голове набатом стучал вопрос: *Значит, дедушка и этот недо бойфренд чем-то связаны?*

Дедушка Пахом, знаток жизни и бесстрашный борец с телевизионной рекламой, доползая до комнаты, тут же бросил газету. Принудительно уложив пострадавшего на взбитую подушку, — принялся осматривать.

— Ну, здравствуй, дорогой гость! Не ожидали, не гадали, а ты тут как тут. Вижу, футбол футболом, а помощь все-таки понадобилась. Небось, опять свою «любовь» искал, а она тебя, видимо, не очень-то искала в ответ? — с ехидной улыбкой пробурчал он.

Алиса, наблюдая за сердечным приемом, не могла отделаться от ощущения, что всё это шоу разыгрывается исключительно для ее, Алисиных, глаз. Дедуля так и излучал радушие, словно перед ним не избитый юноша, а долгожданный наследник фамильного богатства.

— Ох, как же ты опять попал в переплет! Не твоя это, видно, судьба — быть целым и невредимым. Всегда тебя тянет туда, где синяки и ушибы — настоящий магнит для неприятностей, не иначе, — издевательски заботливо добавил Пахом.

Марк, застонав, попытался приподняться, но только лишь скривился от боли. Глаза его, полуприкрытые, казалось, видели не Алису и деда, а бесконечные поля битвы, где он, видимо, проиграл очередной раунд.

— Я это просто проходил мимо — прохрипел он, явно пытаясь сочинить правдоподобную историю на ходу.

На его лбу было написано о том, как он отчаянно желает казаться тем самым недостижимым Громовым из школьных коридоров, а не раненым парнем, пытающегося подняться при виде девчонки.

— Проходил он мимо, конечно, — поддакнул дедушка. — Прямо к моей двери, чтоб наверняка. Ну, ничего, главное, что добрался. А то ведь, кто знает, сколько бы ты еще на крыльце "проходил мимо" до утра. Пока тебя голуби бы не обнаружили? Хорошо, что у нас тут не приют для бродячих музыкантов, иначе бы тебя уже на ковер уложили.

Алиса перевела взгляд с насмешливого дедушки на хмурого Марка. Любопытство жгло изнутри, перевешивая даже смущение от всей этой неловкой ситуации.

— А... что это за любовь такая?..

Дед Пахом хмыкнул, заговорщицки подмигнул внучке и махнул рукой в сторону застывшего на диване парня:

— Да какая там зазноба, Алис! Любовь его — бетонная да холодная. Стены он какие-то ищет, со своими баллончиками возится. Пытается их разукрасить, а они, вишь, не поддаются. Оттого и синяки!

Марк при словах заметно напрягся и отвел глаза, явно не желая, чтобы Алиса углублялась в его искусство.

— Хотя... Парень-то видный! С таким лицом и такой шевелюрой девки пачками должны бегать. Ты посмотри, какой орел! Наверняка ведь есть какая-нибудь девчонка, ради которой ты художества на стенах вырисовываешь, а, Марк? Признавайся!

Громов, до этого отчаянно пытавшийся сохранять образ загадочного и недостижимого бунтаря, густо покраснел. Он попытался приподняться на локтях, и бросил быстрый, загнанный взгляд на Алису.

— Дед Пахом, ну хватит Нет там никого, — выдал он из себя, и этот смущенный, почти мальчишеский тон чуть не прорвал присутствующих на смех.

— Ну-ка, не ерпенься, — дед Пахом бесцеремонно прижал Марка за плечо обратно к дивану. — Алис, марш на кухню. В верхнем ящике аптечка. Тащи спирт, бинты и ту мазь в синем тюбике.

Алиса на секунду замялась, глядя на тяжело дышащего Громова. С его щеки стекала струйка крови, а на жилетке белели следы строительной пыли. Поняв, что дедушка не шутит, она метнулась на кухню.

Руки слегка подрагивали, пока девушка перерывала ящик среди старых банок с содой и специями. Схватив всё необходимое, — вернулась в гостиную.

Пахом уже стягивал с Марка жилетку. Тот шипел сквозь зубы, но больше не пытался строить из себя героя. Под верхним слоем оказалась черная толстовка, рукав которой был порван.

— Так... Мне еще заварку сделать надо, ноги гудят. А ты, внучка, давай, отработывай проживание. Обработай ему боевые ранения. Только не жалея спирта, пусть пошипит!

С этими словами он хитро прищурился и ушел на кухню.

В гостиной работал телевизор. Там всюду шла реклама стирального порошка, и бодрый, фальшивый голос диктора невыносимо резал слух в паузе. Алиса шагнула к тумбе и выключила телевизор. Наступило затишье, в котором слышно дыхание Марка.

Алиса нерешительно присела на край дивана. Громов лежал, откинув голову на подушку с закрытыми глазами. Свет от абажура с бахромой падал на его лицо, делая черты мягче, убирая ту высокомерную маску, которую носил в школе.

— Я сама могу То есть, ты сам сможешь? — запуталась Алиса, протягивая ватный диск.

Марк открыл один глаз. В его глубине Алиса прочитала жгучий стыд напололам с усталостью.

— Ну что ты застыла, спасительница хренова? — тихо, без привычной издевки спросил он. — Руки не подниму, ребра ноют.

И казалось бы он замолк. Алиса, набрав в легкие воздуха, — придвинулась ближе. Она затаила дыхание, пока тянулась рукой к ссадине, но Марк неожиданно вымолвил:

— Или боишься потрогать?

Алиса тут же втянула голову в плечи и зажмурилась, словно перед ней сидел не раненый одноклассник, а готовая взорваться бомба. Она комично нахмурилась, пытаясь вернуть себе грозный вид, но ее нос забавно сморщился. Зависнув в паре сантиметров от его лица, она боролась с подступающим к щекам румянцем.

Марк, наблюдая за пантомимой, хмыкнул и добавил:

— Ты знай, я кусаюсь.

Эти слова стали последней каплей. Ах, кусается он? Ну сейчас мы проверим его зубы на прочность.

Алиса выпрямилась, сощурила глаза и с самым милым, почти ангельским видом произнесла:

— Ой, прости-прости, сейчас все исправим.

И прежде чем Марк успел сообразить, что к чему, она с размаху, без всякого сострадания, припечатала щедро смоченный диск к его щеке. С силой провернула его по часовой стрелке, будто пыталась оттереть засохшее пятно с ковра.

— Твою ж...! — взвыл Марк, теряя настрой.

Он дернулся назад, но ребра предательски занули, и парень буквально рухнул обратно на подушки, шумно втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. На глазах даже выступили слезы.

— Ой, извини, я случайно! Рука соскользнула. Ты же сам сказал, что я спасительница хренова, вот я и спасаю. Интенсивно.

Марк присел, зажмурив один глаз. Пылающая щека теперь горела не только от ссадины, но и от ядреного спирта. Он повернул голову к Алисе, и в его глазах смешалось все: злость, шок и...

— Ну ты и садистка!

Он бесцеремонно вырвал диск из рук Алисы, на что она и пикнуть не успела.

— Дай сюда. Живой силой взять решила? — Марк недовольно зыркнул на нее, продолжая жмуриться.

Он попытался аккуратно прижать ватку к коже сам. Сделал той рукой, на которой рукав толстовки был нещадно разорван. Ткань на предплечье болталась лоскутами, обнажая напряженные мышцы и несколько свежих, длинных царапин.

Марк был неуклюж, — делал на ощупь. Он то и дело промахивался мимо ссадины, шипя и задевая здоровую кожу. Зрелище жалкое, но Алиса не позволяла себе ему помогать.

Девушка, сложив руки на груди, молча наблюдала за мучениями. Перед ней сидел мальчик отчаянно пытавшийся сохранить остатки гордости. Как быстро он преобразался в ее голове.

Когда Марк шумно выдохнул и опустил руку, Алиса глубоко вдохнула. Из-за грубых движений воздух вокруг них гонялся. От разорванного рукава, от его волос и шеи отчетливо запахло терпким, застоявшимся табачным дымом вперемешку с ментолом.

— Ты куришь? — тихо спросила она, не сводя глаз с его мелко дрожащих пальцев. — Я видела, как Влад дымит за углом, но тебя... ни разу.

Марк замедлился. Его рука с зажатым ватным диском так и осталась на весу. Он ломано повернул голову, и в полумраке гостиной глаза его блеснули колючим.

— В школе я пайнка, разве не поняла? — он шумно выдохнул через нос. — А сигареты... Хочешь попробовать? Давай тогда еще и цыганочку сделаем, раз тебе заняться нечем?

Алиса нахмурилась, проигнорировав его попытку перевести все в укол. Взгляд зацепился за то, как неожиданно сильно задрожали пальцы Марка. Он пытался удержать ватку.

— Дай уже сюда, — она решительно протянула руку, перебивая его одиночное лечение. — Своими лапами только хуже сделаешь. И пахнет от тебя не только табаком, а конфетой. Прячешь запах от родителей?

Марк позволил себе лишиться диска.

— Отец не выносит запах дыма, — глухо произнес он, отводя взгляд в сторону угла комнаты. — Да и вообще, не его это дело. И дед твой не болтливый. Надеюсь, ты в него пошла.

— Боишься, что расскажу о том, что гроза школы прячется у моего дедушки? Посмотрим на твое поведение, Громов.

Марк слабо усмехнулся, прикрыв глаза. В усталой полуулыбке не было ни капли его высокомерия. Густые ресницы затрепетали, отбрасывая длинные тени на бледное лицо, а дыхание наконец-то выровнялось. На несколько секунд он позволил себе побыть уязвимым. Кажется, Громов впервые за долгое время никуда не бежал, ни с кем не спорил и не пытался держать глухую оборону от всего мира. Только сидел на продавленном диванчике и позволял девчонке стирать кровь с его лица.

Молчание в комнате стало невыносимым, густым и каким-то... неправильным. Алиса отчетливо слышала тиканье часов и то, как ее собственное сердце пытается пробить грудную клетку. Чтобы хоть как-то заглушить неловкость, она сосредоточенно закусила губу, продолжая возить ваткой.

Но Громов внезапно открыл глаза.

Его прямой, изучающий взгляд тяжело опустился на Алису сбоку. Он смотрел на нее в упор, разглядывая. К щекам приливал предательский жар. Задача обновилась: только не краснеть, только не выдавать себя! Это всплыло панической строкой в голове. Она изо всех сил напустила на себя равнодушное выражение лица, смахивая на полевого медика.

Наконец, Марк отвел очи. Уткнулся взглядом в пол.

Стоило ему отвернуться, сомкнув веки, как всю выдержку Алисы сдуло ветром. Убедившись, что он ее не видит, она беззвучно, но невероятно эмоционально закривлялась. Алиса надула губы, состроила пафосную мину, выпятила подбородок и принялась активно пародиро-

вать его недавний тон, беззвучно шевеля губами: "А сигареты... Хочешь попробовать? Цыганочку тебе сделать?"

Она покрутила рукой в воздухе, передразнивая его манеру, скорчила презрительную рожицу. Выместила всю неловкость.

Вдруг в коридоре скрипнула половица.

Алиса подпрыгнула. Не успев стереть с лица рожицу, она попыталась принять серьезный вид. Но получилось плохо: глаза все еще округлены.

В комнату, шаркая тапками, вошел дедуля.. В руках держал чайник. Старик замер в дверях, переводя взгляд с раскрасневшейся Алисы на спокойно сидящего Марка.

— Это что за немые сцены из погорелого театра? — дед подозрительно кивнул на внучку, ставя чайник на журнальный столик. — Алиса, лимон проглотила? Или тебя укусили?

Марк тут же распахнул глаза и с недоумением уставился на девушку, пытаясь понять, что пропустил. Девушка густо покраснела. Она поспешно спрятала руки за спину и попыталась выдать невинную улыбку.

— Да нет, дедуль... Это спирт испаряется, в нос ударил! — быстро затараторила она, пятясь к выходу.

Марк потер ноющие ребра. Уставился в одну точку на ковре. Потянулся к креслу и забрал жилетку. Внутри поднялась волна ярости. Зачем он пришел сюда? Дед Пахом был единственным человеком, который знал его настоящего, не школьного плейбоя и не уличного райтера. Но сейчас все казалось огромной ошибкой.

Взгляд Марка зацепился за забытый Алисой ватный диск, кинутый на край журнального столика. В голове вспыхнули воспоминания о ее лице, но в памяти свежи были другие образы. Разрушенные надежды отца, пустые залы когда-то величественных зданий и холодный, безразличный тон тех людей, из-за которых его мир превратился в руины.

Он не имел права забывать. Он был здесь не для того, чтобы мило переругиваться с девчонкой.

— Ладно, Пахом, пойду я, — Марк поднялся, преодолевая боль.

— Куда ж ты на ночь глядя, да еще и побитый такой? Чаю хоть выпей.

— Дел полно, — коротко бросил он, натягивая одежду.

Марк не хотел объяснять. Не желал видеть жалость в глазах старика. И он не мог пересекаться взглядами с Алисой. Сложно играть роль, когда та находится рядом.

Марк прошел через прихожую. Алиса стояла в дверях, подняв на него глаза. Она явно хотела что-то сказать или съязвить на прощание, но Марк даже не замедлил шаг. Прошел мимо нее вихрем.

Входная дверь захлопнулась.

Оказавшись на улице, Марк жадно вдохнул воздух. Сунул руки в карманы и побрел прочь от тепло светящегося окна. Под пластырем все зазудело. Доверять никому нельзя — даже собственной слабости.

Алиса, все еще стоящая в проходе, метнулась к окну. Любопытство ее победило. Осторожно отодвинув тюлевую занавеску, — прижалась лбом к стеклу. На улице темно. В тусклом, подернутом туманом свете тропинки, Алиса увидела его. Марк шел быстро, низко опустив голову. Его силуэт — одинокий и неприкаянный на фоне опустошенной улицы. В какой-то момент он остановился, достав телефон. Алисе показалось, что он тяжело вздохнул, пока набирал сообщение. Затем шустро убрал мобильный обратно и зашагал прочь, пока окончательно не потерялся в темноте двора.

Марк: Оказывается, я все время находился с ней рядом. Всё под контролем.

Нажал «отправить» и стер у себя переписку.

Алиса отпустила шторы. Побрела в зал, где дедушка разливал по кружкам крепкий чай. Старик выглядел умиротворенным, будто визиты избитых школьных звезд были для него обычным делом.

— Дедуль... — Алиса опустилась на ковер. — А когда вы вообще успели познакомиться?

Пахом неторопливо поставив перед ней дымящуюся кружку, сел сам. Шумно прихлебнул. Он хитро посмотрел на внучку.

— Давненько уже, Алис. Года полтора назад, наверное, — старик пожал плечами. — Когда только перебрался сюда, подальше от городской суеты, я не знал как пройти до аптеки. Так и встретил мальчика по дороге. Спросил, заговорились, он провел меня до магазина. С тех пор иногда и заглядывает. То забинтовать что-нибудь, то просто... молча посидеть, пока я кроссворды решаю.

Дедушка вздохнул и как-то грустно посмотрел в окно.

— Хороший он парень. Гордый только. как ты. И одинокий, как бродячий пес. То ли какою-то вину на себе тащит, а за что — не говорит.

Алиса обхватила кружку ладонями. Слова дедушки заставили задуматься.

Гордый. Одинокий. Несет какую-то вину.

Она сделала глоток чая и мысленно отвесила себе звонкую пощечину. *О чем ты вообще думаешь, Алиса? Перестань романтизировать парня!*

— Ну не знаю... — она опустила глаза в кружку, наблюдая, как на поверхности чая колыхается листик. — Какую бы ношу человек ни нес, это не оправдывает его поступков. Это не повод вести себя как последний придурок.

— Это ты к чему клонишь?

— К тому, что если он действительно такой хороший, каким ты его выставляешь... То он точно не прошел бы мимо меня около раздевалок. Помнишь, я рассказывала тебе про Катю? Она ведь сегодня опять зажала нас с Сеней перед биологией. Налетела с толпой, начала вырывать сумки, обзывать... Это было унижительно.

Она с силой сжала кружку, обиженно шмыгая носом.

— И Марк это видел. Прошел мимо, шага не замедлил! Ему было плевать, что двух его одноклассников втаптывают в грязь. Так что нет... Хорошие парни так себя не ведут. У него красивое личико, которым он виртуозно пользуется.

Алиса прикусила язык и звонко айкнула, предательски защипало в носу. Ей было стыдно за то, что еще пару минут назад она заворожено наблюдала за ним из окна.

Дедушка Пахом долго молчал. Затем тяжело вздохнул, поставив блюдце на стол. Погладил седые усы.

— Жизнь — сложная штука. Иногда люди надевают маски не потому, что они злые. А потому, что если их снять, все увидят, что они сломлены. Не суди сгоряча. Время само все расставит по местам.

Шестой урок был физкультурой на стадионе. По стечению обстоятельств их класс объединили с шестым «Б», что стоял на ушах. Физрук задерживался в тренерской, поэтому на школьном поле царил неконтролируемый хаос.

Пока старшеклассники разминались, банда шестиклашек откопала где-то за забором тракторную шину. Вопя от восторга и спотыкаясь, пацаны с трудом докатили ее до вершины небольшого склона. Удерживая покрывку в вертикальном положении, они умудрились запихнуть внутрь шуплого одноклассника, который, судя по счастливому визгу, добровольно вызвался в каскадеры.

— Погнали-и-и! — истошно завопил один из них.

Они толкнули шину вниз. Она, подпрыгивая на кочках, с грохотом покатила по склону. Десятки старшеклассников, поприлипали к окнам, с хохотом наблюдая за аттракционом, выкрикивая подбадривающие лозунги.

На самом поле тоже кипела жизнь. Девчонки сбились в кучки, лениво перекидывая друг другу волейбольный мяч. Мальчишки пытались играть в футбол, поднимая тучи пыли, громко споря о том, был ли аут. Воздух наполнен запахом скошенной травы и тем самым неповторимым ощущением свободы, которое бывает только на уроках физкультуры.

Алиса стояла чуть поодаль от этого дурдома, пытаясь завязать шнурок. Сеня отошел к турникам, и она на секунду осталась одна. Настроение было паршивым, но она старалась отвлечься, наблюдая за развлечением шестиклашек. В паре метров от нее, на старой деревянной скамье, лежала ее главная ценность на сегодня — большая папка с набросками из художки. Алиса мечтала поступить в престижный ВУЗ и сегодня должна была показать работы преподавателю на консультации. Она вложила в них всю душу и последние несколько бессонных недель.

Вдруг на поле поднялся истошный визг. Банда детей на вершине склона криво толкнула покрышку. Она вильнула в сторону, сходя с намеченной траектории. Пытаясь увернуться от катящейся махины, дети с криками бросились врассыпную.

Шина вылетела на беговую дорожку.

Алиса даже вскрикнуть не успела. Шина протаранила ту самую скамейку. Старые доски жалобно хрустнули и разлетелись в щепки. Но самым страшным было не это. Сверху на разломанную скамью и папку рухнул один из убегающих мальчиков. Он попутно выронил из рук открытую пол-литровую бутылку ядовито-оранжевой газировки.

Наступила секундная тишина, прерываемая лишь хохотом старшеклассников из окон школы.

Алиса бросилась к обломкам. Она дрожащими руками вытянула из-под шины свою папку. Молния на ней разошлась. Практически все листы внутри были безжалостно смяты резиной, а по плотной акварельной бумаге стремительно расползлось оранжевое пятно. Карандашные штрихи ее лучших эскизов плыли, растворяясь на глазах.

— Эй, ты чего, плачешь из-за какой-то папки? — пропыхтел поднявшийся с земли шестиклассник. Он не подумал извиниться. — Новая скамейка все равно была дурацкой.

Мальчик побежал догонять друзей, которые вовсю катили покрышку обратно на горку. Стадион продолжал жить веселой жизнью. Никто из сотен людей вокруг даже не понял, что для одной тихой девочки рухнул шанс на нормальное будущее.

Сеня спрыгнул с турников, заметив неладное. Он подбежал к Алисе, вытирая вспотевший лоб. Увидев в руках истерзанную папку, он замер.

— Черт... Алис, — выдохнул он, заглядывая внутрь папки. — Сильно пострадали?

Та лишь молча кивнула. Алиса прижимала работы, боясь посмотреть на то, что осталось от многомесячного труда. Одна слеза все-таки скатилась по щеке.

— Ну-ка, давай сюда, — Сеня мягко, но настойчиво забрал у нее папку.

Он вытащил один из верхних листов. Это был чертеж старинного фасада с невероятно тонкой штриховкой. Сейчас по нему расплывалось уродливое пятно, превращая филигранную работу в грязь.

Сеня выругался сквозь зубы. Он оглянулся на вопящую толпу мелких.

— Я этим мелким гаденышам — он уже было рванулся в их сторону, сжимая кулаки.

— Не надо, Сеня, стой, — Алиса перехватила его за локоть. — Это ничего не изменит. Работы уже не спасти.

Сеня остановился. Посмотрел на поникшую подругу и его гнев сменился сочувствием. Подошел ближе и неуклюже, но тепло обнял одной рукой за плечи. Закрыв от глаз школьников.

— Тише, не реви. Слышишь? Мы все исправим, — тихо, но уверенно заговорил он ей в макушку. — Я помогу тебе. Буду сидеть ночами, подавать карандаши, точить их, стирать ластиком... Мы нарисуем новые. Ещё лучше прежних! Ты же у меня гений. А эти придурки даже не поймут, какую красоту испортили.

Алиса шмыгнула носом, утыкаясь лицом в его спортивную футболку.

На поле вальжной походкой вышел физрук, посвистывая в свисток.

— Так, шестой «Б» и одиннадцатый «А», хорош прохладиться! Все в шеренгу!

Алиса в панике посмотрела на свои руки. Она вся в брызгах липкого сока.

— Сень, я не могу так... — прошептала Алиса, пятясь назад.

— Беги в школу, отмывайся, — быстро сориентировался Арсений, прикрывая девушку своей спиной от физрука. — Скажешь, что плохо стало. А я тебя прикрою, скажу, что в медпункт пошла. Давай, пока он переключку не устроил!

Алиса благодарно кивнула, перехватила поудобнее испорченную папку и быстро зашагала со стадиона.

Она вошла в здание школы через черный вход, ведущую к спортивному блоку. В коридорах было тихо — все классы торчали на уроках. Направляясь в сторону туалетов, Алиса проходила мимо двустворчатых дверей актового зала. Обычно они заперты, но сейчас одна из створок оказалась слегка приоткрыта.

Из глубины зала доносились голоса и странный, непривычный для школы шум.

Алиса остановилась напротив щели, заглянув внутрь.

В зале царил полумрак, и только сцена ярко освещена прожекторами. Там стояло несколько младшекласников, а внизу, в первом ряду зрительного зала, активно жестикулировал молодой парнишка в очках. Судя по всему это был студент-практикант или молодой руководитель театрального кружка. Он что-то эмоционально объяснял стоящей на сцене девочке.

— Послушай, это ключевая сцена! — донесся до Алисы его голос. — Твоя героиня не просто заходит в комнату. Она открывает дверь и замирает от неожиданности. В ее глазах должен быть немой вопрос, понимаешь? Ты должна транслировать это одним своим видом, без слов! Ну-ка, давай еще раз.

Девочка на сцене тяжело вздохнула, отошла на исходную позицию за декоративную дверь и вновь вышла вперед. Она картинно прижала руки к груди и округлила глаза, пытаясь изобразить удивление.

— Нет, опять фальшиво! — режиссер схватился за голову и в отчаянии откинулся на спинку кресла. — Ну почему все так наигранно? Мне нужна естественность! Чистая, живая реакция обычного человека.

Алиса, завороченная творческим процессом, сама не заметила, как подалась вперед. Она хотела разглядеть получше и неосознанно оперлась рукой о тяжелую дверь зала. Та под ее весом плавно поползла внутрь.

Алиса охнула, попытавшись поймать створку, но из-за скользких пальцев не удержала равновесие. Она сделала невольный шаг вперед и оказалась прямо на ковровой дорожке актового зала, под прицелом глаз актеров. Стояла как вкопанная. В руках все крепко прижимала рисунки, с которой на чистый пол упала оранжевая капля. Она испуганно смотрела на режиссера, переводя взгляд на ребят на сцене, и в ее глазах действительно читалось неподдельное замешательство.

Парень в очках завороченно поднялся с кресла. Он во все глаза глядел на застывшую в дверях Алису. На его лице расплылась восторженная улыбка.

— Вот... — прошептал он, вытягивая руку. — Все посмотрели на вход! Вот она, идеальная сцена. Посмотрите на ее лицо, на эту позу. Вот она — настоящая, неподдельная реакция! Без всякого переигрывания.

Он повернулся к Алисе и поспешно приблизился, обходя кресла:

— Девочка, ты кто? Из какого класса? Нам срочно нужен такой живой типаж!

Алиса растерялась. Играть в театре? Она? Девушка никогда в жизни не видела в себе актрису. К тому же, местные театралы ее пугали: в школе ходили слухи, что эти ребята настолько фанатичные, что если заметят кого-то подходящего под роль — живьем не выпустят и затащат под софиты.

— Я... нет, вы ошиблись. Я просто мимо проходила. Мне в туалет надо, отмыться. И вообще, меня физрук ждет на стадионе, я просто на минутку...

Она уже взялась за ручку двери, чтобы сбежать, но тут с неосвященного края сцены раздался ленивый голосок одного из парней:

— Она вроде как из одиннадцатого «А». Алиса, если не путаю. Она популярна. Популярна?..

Алиса взглядела в темноту кулис. Там стоял парень из десятого класса — один из тех нейтральных ребят, которые не входили в бездельники, но знали в лицо практически всех учащихся. Он сидел на краю сцены, болтая ногами.

Режиссер буквально просиял, услышав это.

— Одиннадцатый «А»! Отлично! Алиса, стой! Никаких физруков. Я сам договорюсь с твоим учителем, меня зовут Денис, я тут практику веду. Дай нам всего пять минут! Ты просто обязана прочитать этот монолог. Юля на сцене заваливает спектакль, а ты — ты просто находка! Так еще и популярна!

— Ее же Златоустова во все школьные пабрики залила, — буднично пожал плечами десятиклассник, листая ленту. — Видео бьет рекорды по просмотрам. Она там так забавно прыгает вокруг Громова, пытаюсь тетрадку свою из его рук выхватить. Настоящая драма, все в комментариях только их и обсуждают. Кстати, а где любимый пропадает?

Марка и вправду не было в школе. Но Алису бесило то, с какой простотой этот мальчик поделился с публикой о том, что про нее выставили в интернет.

— Я знаю про видео. Спасибо, что напомнил, — глухо завершила его рассказ Алиса.

Она не отвела и глаза. Представила как Катя, довольно ухмыляясь, заливала его в сеть в ближайшем салоне красоты. Но Алиса уже успела переболеть издевательства, ведь разве не на это ей хотелось посмотреть, отчисляясь из элитного лицея?

Десятиклассник на сцене хмыкнул, утыкаясь в телефон.

А вот режиссер Денис на секундочку смутился, поправляя очки. Но профессиональный азарт быстро взял верх над тактичностью.

— Тем более! — он буквально подлетел к ней и мягко, но настойчиво вложил в руки распечатанный лист со сценарием. — Алиса, послушай. Ты ведь сама понимаешь, каково это — когда тебя обсуждают за спиной. Когда на тебя вешают ярлыки. Направь эту эмоцию в текст! Юля читает эту сцену так, будто у нее отобрали шоколадку. А мне нужен надрыв! Мне нужна правда. Дай мне всего пять минут, ну пожалуйста.

Алиса опустила взгляд на протянутый лист. Бумага тут же пошла разводами от мокрых рук. Текст монолога назывался «Крик вне».

Подняла глаза на сцену, где стояли притихшие актеры. На секунду Алисе захотелось подняться туда. Встать под слепящий свет прожекторов и высказать все, что наболело, но отступила.

Внутренний порыв быстро угас, разбившись о стену реальности. Алиса знала, какова цена любого внимания. Сделать свои переживания достоянием общественности, пусть даже под видом театральной роли? Нет. Это стало бы очередным поводом настичь невзгоды.

Она сделала глубокий вдох и аккуратно положила лист сценария на край первого кресла.

— Извините, но нет. Моя жизнь — это не спектакль. И я не собираюсь связывать ее с театром ради того, чтобы развлекать других.

Она не стала дожидаться ответа или новых уговоров. Развернувшись, вышла в коридор.

Дойдя до туалета, поставила многострадальную папку на раковину. Смотря на себя в зеркало — растрепанную, с кругами под глазами от недосыпа, — она дала себе слово. Никаких слез. Никакой слабости.

— Надеюсь, никакой Влад больше не выскочит...

Отошла от раковины, стоило липкости исчезнуть. Последний раз поправила волосы, давая себе зарок быть сильнее. Уже потянулась за папкой, но дверь туалета распахнулась, ударившись о стену. Алиса инстинктивно вжалась в край раковины, прохладная керамика врезалась в поясницу. Влага на руках еще не успела высохнуть, и теперь пальцы суетливо цеплялись за мокрый бортик. Дверь, влетевшая внутрь с треском, все еще подрагивала на петлях.

В туалете будто воздух перекрыли. Катя стояла в самом центре, беззаботно скрестив руки на груди. За ее плечами, как тени в триллере, выглянули и девочки. Они не нападали сразу, а смаковали момент.

Их взгляды, пропитанные неприкрытой насмешкой, ползали по фигуре Алисы. Задерживались на испорченной форме, что все еще пахла напитком. Катя переглянулась с ближайшей подругой, и та ехидно прыснула в кулак.

Ева, вошедшая последней, показалась инородным телом в слаженной стае. Она мягко прикрыла дверь. Посмотрела в потолок, прижавшись к стенке. Но сам факт того, что она была здесь, по ту сторону баррикад, приукрашивало столкновение своей невыносимостью.

Алиса взволнованно переводила взгляд с одной одноклассницы на другую. Сердце ушло в пятки, мешая сделать полноценный вдох.

Повернув голову к Алисе, Катя выплюнула:

— Ну что, дура, неужели думала, что этот день закончится без представлений? Танцуй.

Алису прошила абсурдная мысль. Она всегда считала Еву безвольным хвостиком Кати, удобной декорацией, что расцветала лишь в те моменты, когда нужно подчеркнуть величие «королевы». Но, глядя на то, как Ева стоит у двери, позвоночник покрылся изморозью.

Ева не пряталась. Она не теребила сумочку, сжимая кулачки. Подпирала дверь с видом, будто это был ее личный трон, а все происходящее в центре комнаты — скучный сериал, поставленный по ее сценарию. В осанке Евы прослеживалось столько превосходства, что Катя с жестами вдруг понизилась до уровня шумного исполнителя, что не умел. Алиса вспомнила, как Ева мимолетно, одним движением брови, направляла Катю в нужную сторону на переменах. Неужели все это время Алиса смотрела не на ту сторону марионетки?

— Танцуй, я сказала, — повторила Катя, но ее голос дрогнул от нетерпения, когда реакции не последовало.

Свита взорвалась. Девочки, получив сигнал к охоте, сузили кольцо. Одна из них — высокая, толстая шатенка с каре — толкнула Алису в плечо.

— Слышала, что тебе сказали? — прошипела она, скалясь. — Или вода в уши затекла?

Вторая девчонка, не дожидаясь ответа, выхватила из-за спины папку. Она с наслаждением вырывала из нее листы. Мокрая бумага поддавалась с противным хлюпающим звуком.

— Смотрите, какие художества! — она демонстративно поднесла под нос Алисе один из эскизов, а затем скомкала его в тугий, влажный шар, бросив в кабинку унитаза. — Тут же ему самое место.

Остальные залились смехом, подступая ближе. Они толкали Алису, задевали локтями, проверяя на прочность. Ожидали, когда она сломается и начнет молить о пощаде.

И на фоне этого хаоса Соколова видела только Еву. Та продолжала стоять у входа, уже во всю поправляя губную помаду. На лице играла высокомерная улыбка. В ней не осталось и капли той теплоты, которую Алиса видела в глазах рядом с Арсением.

— Что застыла? — голос Евы разрезал гомон свиты. — Катя попросила тебя станцевать. Покажи нам, на что ты готова, чтобы мы не выложили вторую часть позора.

Если Катя была кулаком, значит мозг всегда принадлежал красотке Сени.

— А что же ты не говорливая перед Сенечкой? Боишься в глазах упасть?

Улыбка, слой за слоем, сползла с девичьего лица. Рука с помадой остановилась на полпути, и Ева неторопливо закрыла колпачок.

Глаза вдруг потемнели, превратившись в ледяные омуты. Ева сделала один-единственный шаг от двери, но этого хватило, чтобы все расступились. Подошла к Алисе. Ева склонила голову набок, и ее глаза впилась в лицо Алисы, будто они пытались выжечь в ней само желание говорить.

— Сенечка? — тихо, почти ласково переспросила она. — Сложила два и два и решила, что это даст тебе право произносить его имя рядом со мной?

Ева неожиданно подалась вперед.

— Строишь догадки на пустом месте, надеясь спасти саму себя? Он тебе рассказал, да? Только я разочарую. Правда в том, что вы оба не знаете обо мне ровным счетом ничего. Для меня все, что связано с этим мальчиком — забытая история, которую я предпочла бы сжечь. И если ты решишь, что можешь использовать его как рычаг...

Ева сделала паузу, и ее серые глаза сверкнули первобытной, ничем не прикрытой жесткостью.

— Я его вырву. Если ты не научишься фильтровать тех, о ком упоминаешь, мы сделаем твое существование невыносимым. Твой папочка же уже успел помучиться. Так вот не лезь туда, где тебе не место. Не бери с него пример.

Она отстранилась, но ее место заняла уже Катя. Стерва подошла вплотную, почти касаясь грудью плеча Алисы. Окинула ее взглядом с ног до головы, и в этом осмотре было что-то грязное, раздевающее.

— Знаешь, Алиса, я ведь начала над тобой глумиться с пустяка, — Катя вкрадчиво улыбнулась, заправляя выбившуюся прядь за ухо Соколовой. — Сначала это было так... ветрено. Просто шутила. Я терпеть не могу новеньких, особенно таких, как ты. От вас вечно воняет доносительством и правилами. Пришла такая «святоша», глазки в пол, мораль в рюкзачке... Таким, как ты, рот надо закрывать сразу, превентивно.

Она убрала руку за затылок и ее лицо окаменело.

— Но у тебя, я смотрю, рот совсем не чистый, — Катя сжала пряди девушки в кулак, запрокидывая ей голову назад. — Много лишнего из него вылетает. А за длинный язык, Алиса, всегда нужно платить. Натурой или здоровьем — тут уж как повезет.

Кожу головы обожгло резкой болью. Кулак Кати сжался мертвой хваткой, заставляя смотреть в потолок, туда, где гудели лампы. В глазах помутилось, но страх, который должен был парализовать, превратился в горячую злость.

Алиса вскинула руки и ответно вцепилась в запястье брюнетки. Вспотевшие пальцы сдавили руку той, в попытке разжать хватку. Она дернула Катю на себя, вложив в это все усилия, но задира лишь стиснула зубы.

— Ш-ш-ш... — Алиса зашипела, когда корни волос натянулись до предела.

Она не стала кричать. Не стала молить. Смотрела на Катю исподлобья, задыхаясь от близости едких духов. Она молчала, потому что понимала, что любое слово станет новой порцией корма для стаи лисиц. Алисины пальцы впилась в кожу Кати так, что на ней проступили пятна. Но как бы девушка не старалась, оторвать от себя руку не получалось — Катя победно скалилась.

Екатерина пульнула стрелу в губы Алисы, и ее усмешка преобразилось в более гнилую.

— И раз уж ты решила, что можешь прыгать вокруг Марка... Посмотри на себя. Ты хоть понимаешь, каково это — когда такой парень, как он, прикасается к тебе? Ты же бревно. В тебе сексуальности меньше, чем в этой толстухе.

Когда Катя швырнула оскорбление в адрес своей же соратницы, по рядам пробежал неприятный разряд. Девушка, которую она назвала толстухой, на секунду пошатнулась. Её

лицо пошло покраснелось, а кулаки сжались так, что затрещали суставы. Она была готова сорваться, но мерзкое Катино «Стой на месте» — действовало как удар хлыстом.

Катя и не обернулась. Она соизволила слегка повернуть голову, и в коротком, презрительном взгляде показалось то, что заставило всех замолчать. Девочки переглянулись. В глазах вспыхнуло глухое раздражение — Катя перешла черту, ударив по своим. Тихий ропот недовольства прошелестел по углам, как змеиное шипение. Они не были друзьями, они были компанией, и одна из них стала кусать своих. Кто-то из девчонок демонстративно отступил на полшага, кто-то отвернул голову, обещая себе припомнить Кате выходку.

Но Кате было плевать. Она уже вернулась к своей главной цели.

— Понимаешь, Громов привык к огню, к тем, кто знает, как доставить удовольствие одним взглядом, а не к зашуганным серым мышам, которые краснеют от случайного толчка. Ты даже не знаешь, что с ним делать, если он вдруг повернется к тебе не для того, чтобы отобрать тетрадь.

К горлу Алисы подкатила тошнота. Она ничего не чувствовала к Громову, кроме раздражения, и намеки на близость казались ей верхом абсурда.

— Ты закончила? — тихо спросила она.

— О, нет. Девочки, по-моему, Алиса всё еще слишком много о себе думает.

Катя наклонилась к уху.

— Ты хоть понимаешь, на чью территорию залезла? Громов — мой. Был им полтора года, и, поверь, я знаю каждую трещинку в его характере, каждый изгиб его тела. Именно я одна из всех присутствующих видела его татуировку на боку. Я знаю, какой он, когда сбрасывает свое достоинство. И смотреть на то, как ты — этакая невинная овечка — умудряешься мозолить ему глаза, для меня невыносимо!

Она отпустила волосы Алисы через рывок вниз, что та почти упала на пол.

— Меня бесит не то, что ты особенная, — Катя брезгливо дернула плечом, — а то, что ты, будучи пустым местом, каким-то образом заставляешь его оборачиваться. Громов не должен тратить на тебя даже секунды своего времени. И я готова буду вырезать тебя из его жизни.

Она отвернулась, давая возможность отыгаться оставшимся.

В ту же секунду одна из девчонок, стоящая справа, преградила путь к выходу, толкнув Алису. Та ударилась спиной о плитку стены, но тут же отлепилась от нее.

— Ну что? Поговорим о плате за лишние слова?

— Да, конечно, — согласилась Алиса. — Но для начала, Катя, могу ли я подойти к тебе и сказать одну вещь?

Брюнетка, уже направившаяся к выходу с видом победительницы, обернулась. А Ева, вновь вставшая у двери, перестала рассматривать ногти.

Кроссовки Алисы противно чмокали по полу, но она шла уверенно, сокращая дистанцию, которую Катя считала своей безопасной зоной величия. Остановившись в полушаге, посмотрела той прямо в глаза. Катя открыла рот, готовая выплеснуть очередную гадость, но не успела.

Хлесткий, звонкий звук удара разрезал тишину туалета.

Алиса вложила в пощечину все: испорченные рисунки, страх перед Сеней, унижение от видео и ту мерзость, которую Катя только что вылила на нее своими рассказами. Ладонь Алисы обожгло, а голова задиры дернулась в сторону.

Катя застыла, прижав руку к вспыхнувшей щеке. Ее очи округлились, в них плескался первобытный шок. Свита онемела — никто не посмел даже вздохнуть. Ева оттолкнулась от стены.

— Это за мой нечистый рот.

— Ты... ты... Тварь! — зашла в истерику Катя.

Она бросилась на Алису, потеряв всякий лоск и ту самую сексуальность, о которой твердила минуту назад. Екатерина — разъяренная фурия, что вцепилась в одежду второй. Она пытается достать ногтями до лица.

Обе девушки повалились на пол, сбивая по пути компанию. Девочки заверещали, кто-то пытался их разнять, кто-то, наоборот, подталкивал Катю. В помещении поднялся невообразимый хаос из криков и ударов о пол.

Алиса отбивалась неумело. Проступил вкус крови на губе. Но внутри горело торжество: она сорвала с Кати маску.

Дверь туалета открыла.

— Прекратить! Немедленно! — голос директора школы, Бориса Сергеевича, перекрыл даже визг Кати.

Все замерли в тех позах, в которых их застала катастрофа. Алиса лежала на полу, прижатая Катей, одежда обеих в грязных разводах. Директор стоял в дверях, а за его спиной маячила фигура и охранника.

— Соколова, Златоусова, в мой кабинет. Живо! — прорычал он. — Остальные — вон отсюда! Чтобы через секунду я вас здесь не видел! — рявкнул Борис Сергеевич, отступая на шаг, дав дорогу бегству.

Задир не пришлось просить дважды. Девицы, еще мгновение назад азартно подначивавшие драку, теперь испуганными крысами метнулись к выходу, стараясь не смотреть в сторону мужчин. Даже Ева, сохранившая на лице остатки безразличия, проскользнула мимо, задержав взгляд на Алисе. Молча кивнула ей, поджав губы. *Только что это значило?*

Катя, поняв, что пора выбираться обманом, всхлипывая и размазывая тушь по лицу, наигранно еле поднялась, поправляя растерзанную кофточку. Она не глядя, бросилась вслед за директором, понизив нос.

Алиса осталась на мокром полу. В ушах все стоял звон, а губа пульсировала тупой болью. Она села, и разлитая вода на полу, пропитывала форму. Перевела голубые глаза на то, что осталось от ее жизни. Папка лежала в стороне, смятая и вывернутая.

Поднявшись, схватила месиво в руки. В зеркале промелькнуло отражение: дикое, с горящими глазами и пятном крови на подбородке.

Послушно вышла из туалета. Коридор показался бесконечным туннелем. Впереди, в нескольких метрах, чеканил шаг директор, а за ним, опустив голову, шла Катя, чуть ли не рыдая в рукава. Алиса пристроилась следом, глядя в затылок мучительнице.

Она знала, что в кабинете будет разведена целая сцена с обвинениями. Но пощечина, все еще горевшая на ладони, стоила каждого слова, которое ей предстояло выслушать. Значит и первый поход к директору будет выстоян стойко.

Дубовая дверца кабинета закрылась за ними с окончательным стуком. Охранник, коротко кивнув Борису Сергеевичу, развернулся и зашагал обратно к посту. Оставил девочек один на один с правосудием.

В кабинете повисла молчанка, нарушаемая только прерывистыми всхлипами Кати. Директор прошел к массивному столу, но не сел. Он встал у окна, заложив руки за спину, и его сгорбленный силуэт на фоне серого неба выглядел пугающе монументальным.

— Садитесь, — коротко бросил он, не оборачиваясь.

Катя тут же рухнула на стул, картинно закрыв лицо руками. Ее плечи мелко задрожали, а из-под ладоней донеслось жалобное: "Она... она сумасшедшая... посмотрите, что она сделала...".

Алиса села на соседний стул, стараясь не соприкоснуться с Катей даже краем одежды. Поставила папку себе на колени, позволяя влаге просачивается сквозь юбку. На губе образовалась тугая корка, а скула невыносимо заныла. Алисины глаза устремлены в одну точку на полированной столешнице. Вот, что вчера чувствовал Марк...

Борис Сергеевич наконец обернулся. Его лицо осунулось. Он долго рассматривал их: одну — в растерзанной кофте и с потекшей тушью, другую — с окровавленным лицом и разбитыми в хлам мечтами в руках.

— Поверить не могу, — директор покачал головой, в упор разглядывая Алису. — Соколова, ты же у нас тише воды, ниже травы. Отличница, гордость параллели, за все годы ни одного замечания, ни единого повода вызвать родителей. И тут ты нахально позволяешь себе такое... Рукоприкладство? Прямо в стенах школы?

Он перевел взор на Катю, которая при этих словах согласно и жалобно закивала, потирая покрасневшую руку.

— И ты, Златоусова, — директор поморщился, — тоже хороша. От тебя вестей всегда в избытке, и все не к добру. Но сегодня вы обе перешли черту. Соколова, от тебя я ждал чего угодно: что ты завалишь олимпиаду, что забудешь форму, но не того, что ты превратишься в уличную бойцовскую девчонку. Это нахальство, Алиса. Понимаешь? Чистой воды нахальство — думать, что твои оценки дают тебе право вершить самосуд.

Директор видел в ней только отличницу, лишённую права на зубы.

— Значит так, — Борис Сергеевич выпрямился. — Златоусова, за провокацию и срыв урока получишь выговор в личное дело. А ты, Соколова... Раз уж решила, что ты у нас теперь «активная», будешь отрабатывать. Исключать тебя сейчас — значит поднять шум, который мне не нужен. Но и спустить это с рук я не могу. Две недели после уроков будете драить актовый зал и помогать Денису с реквизитом. Обе.

Катя возмущенно вскинулась, забыв про ампулу жертвы:

— Вместе с ней?! Борис Сергеевич, это несправедливо!

— Справедливость, Катя, закончилась в тот момент, когда вы заперлись в туалете, — отрезал он. — А теперь идите домой. Обе. Чтобы я вас до завтрашней отработки не видел.

Алиса встала первой. Она не смотрела ни на директора, ни на Катю. Развернулась и вышла, пока по щеке ползла капля грязной воды с промокнувшей челки. Ушла с мыслью о том, что ей не хотелось идти домой в таком виде — мокрой, с разбитой губой и ощущением ненависти на коже. Но правила требовали закрыть учебный день.

Она побрела обратно к стадиону. Когда вышла на крыльцо, прохладный воздух хлестнул по лицу, заставляя саднить рану на губе. На поле ребята передавали друг другу эстафеты, ребячась и смеясь.

Алиса подошла к, что-то отмечающему в журнале, физруку.

— Геннадий Викторович, — негромко позвала она.

Учитель оторвался от записей, мазнул взглядом по её внешнему виду, задержался на пятне крови и нахмурился, но, видимо, уже получив какой-то сигнал от директора, лишь тяжело вздохнул.

— Директор велел отпустить тебя домой. Иди. Тебе оценку я все равно поставил.

Алиса кивнула, собираясь развернуться, как вдруг из строя выбежал Арсений. Он выглядел встревоженным: футболка прилипла к телу от пота, а взгляд метался по лицу, выхватывая следы потасовки.

— Алис! Что случилось? Тебя пол-урока не было. Откуда кровь? Тебя тебя исключили? Он потянулся было к ее плечу, но та пошатнулась, замотав головой.

— Всё нормально. Ничего не меняется. Катя.

Он повернулся к школе.

— Опять она

— Я справлюсь. Увидимся завтра.

Алиса побрела к выходу со стадиона, удерживая на себе десятки взглядов. Но среди всех этих глаз она искала лишь одни.

Именно в этот момент, со стороны раздевалок, послышался звук. Алиса не успела обернуться, когда мощный толчок в плечо заставил пошатнуться. Она едва не выронила папку, вцепившись в нее до боли в ногтях.

Мимо нее, не оборачиваясь, пролетел Марк.

Алиса остановилась, проводя его взглядом. Ее внимание невольно зацепилось за новый образ парня — сегодня он выглядел гораздо массивнее, опаснее.

На нём была объемная черная куртка-бомбер из плотной, будто слегка затертой ткани, которая делала его плечи неестественно широкими. Из-под расстегнутого воротника куртки выглядывал капюшон серого худи, наброшенный на голову. Ноги скрывали широкие, свободные джинсы темно-серого, графитового цвета. Тяжелая ткань собиралась в складки у щиколоток, а на поясе болтался какой-то массивный брелок, мерно постукивающий при каждом его резком шаге. Весь его вид — этот многослойный черный оверсайз — буквально кричал о том, что Громов окончательно отгородился от школьного мира, превратившись в угрюмую тень, которой нет дела до чужих драм.

Выйдя следом на улицу, потирая ушибленное плечо, она поняла, что осталась незамеченной. В голове всплыла фраза классной руководительницы, брошенная на прошлой неделе: "Громов, если завалишь русский — к экзаменам не допущу".

Она вспомнила, что Марк уже месяц ходит на дополнительные консультации вместо некоторых уроков. Сидит в кабинете литературы, сжимая ручку так, будто это оружие, и потеет над сочинениями, пытаясь вытянуть себя из зоны риска. Вот почему его не было. Пока она тонула в унижениях в туалете, он сражался за право остаться в школе.

Алиса шагала к воротам. Усталость накатила свинцовой волной, но необъяснимый импульс заставил прибавить шаг. Она сконцентрировалась на спине парня, когда он находился уже у самого выхода с территории.

— Марк! — окликнула девушка.

Громов не обернулся. Стоял у ворот, глядя на дорогу.

Алиса видела, как он с остервенением выплюнул слюну на серый асфальт — жест, полный скрытого напряжения. В этот момент к обочине, визгнув тормозами, притерлась крепкая машина с затонированными стеклами.

Алиса открыла рот, чтобы позвать его еще раз, но голос застрял в горле. Марк, не оглядываясь, дернул ручку двери и нырнул в салон автомобиля. Машина сорвалась с места, обдав девушку облаком выхлопного газа...

Алиса держала путь к остановке, стараясь не задевать прохожих. Удивительно, но всего в паре кварталов от их школы жизнь была ключом. Она вышла на одну из самых оживленных улиц района — здесь всегда было шумно, пахло свежемолотым кофе, по главной дороге выстраивались пробки, а витрины магазинов соревновались в яркости неоновых вывесок.

Но она обратила внимание на цветочное безумие посреди улицы. Крошечный цветочный магазинчик буквально утопал в зелени: огромные кадки с пальмами, ведра с ярко-алыми розами и целые каскады петуний выплескивались из дверей прямо на тротуар. Это было самое яркое пятно на всей улице, но Алису привлекло не это.

Магазинчик был соединен с нулевым этажом здания, и прямо под цветочными стеллажами располагался глубокий подвал с низкими коваными решетками. Алиса никогда не замечала это места, но сейчас, остановившись рассмотреть за стеклом причудливые гортензии, она почувствовала странный диссонанс. Наверху — благоухающий рай и яркие лепестки, а внизу, под ногами — мрак и ступени, уходящие куда-то в темноту.

Проспект прорезал гул приближающегося автобуса. Огромная синяя машина уже вырывалась к остановке, распугивая голубей.

— Только не это! — выдохнула Алиса, лавируя между нарядными прохожими.

Она бежала, пока ветер бил в лицо. Уже запрыгивая на подножку и едва не застряв в дверях, Алиса инстинктивно обернулась.

Там, у самого входа в яркий цветочный рай, припарковалась та самая машина. Она смотрелась на праздничной улице как черная клякса. Та самая тачка, в которую нырнул Марк.

Алиса вглядывалась в номера, ухватываясь за поручень. Времени не было — автобус с шипением закрыл двери и дернулся с места. Пройдя вглубь салона, прижалась лбом к стеклу. Яркие цветы, черная машина и мрачный вход в подвал быстро превратились в размытое пятно, оставляя в голове один вопрос: "Он где-то здесь?".

□ Глава 3. Ниже уровня неба

Алиса стояла перед металлической дверью, пройдя за решетку. Это, наверное, странно, но под подошвами кед уловимо вибрировал бетон, как при землетрясении. То, куда она прибежала впопыхах, — трудно назвать приличным местом. Подвал не был частью цветочного магазина — он располагался глубоко под ним, как темное, забытое отражение верхнего мира.

Она скромно заглянула внутрь с самого порога, и контраст поразил ее. Если наверху, за витринами, царил аромат свежесрезанных стеблей и влажной земли, то здесь, внизу, воздух был густым и тяжелым, как в бане. Он пах растворителями, старой кожей и каким-то металлом. Свет не падал из окон — его давали голые лампы, свисающие на длинных проводах, и их тусклое, желтоватое сияние выхватывало из темноты хаос, который Алиса назвала бы идеальным для вдохновения написания картин.

Стены покрашены нелепо, но было видно, что они живут. Огромные, агрессивные шрифты переплетались с детальными эскизами, создавая на бетоне наслоения смыслов, которые она пыталась поймать в своих скетчах, сидя над ними часами. Здесь «грязный стиль» не был ошибкой — он был законом.

В глубине помещения, в кругу мягкого света от настольной лампы, заваленной тюбиками и чертежами, Алиса увидела спину Марка. Девушка, казалось, задержала дыхание, глядя в его широкую спину. В полумраке, окутанном туманом от краски и тяжелыми басами, он выглядел не как живой человек, а как центральная фигура ее самого сокровенного холста.

Он идеально вписывался в ту темную, «грязную» атмосферу, которую Алиса так тщательно прятала от преподавателей художки. В школе искусств ее вечно одергивали: "Соколова, штрих мягче! Следуй академическим канонам, иначе зачет не получишь!". Учителя требовали от нее правильных теней и скучных натюрмортов, но Алиса, как только за ней закрывалась дверь школы, бежала на улицу. Она искала надломы на штукатурке, ржавые решетки, заброшенные гаражи и тени, которые падали на асфальт так небрежно, будто их разрезали ножом.

Многие не уважали ее вкус, считая его депрессивным и неправильным для такой хрупкой девочки. Но как бы она ни пыталась побороть себя, рука сама тянулась к угольному карандашу, чтобы запечатлеть что-то живое, честное и грубое. Алиса обожала этот стиль, хотя сама, со своими голубыми глазами и тонкими запястьями, казалась полной его противоположностью. Но именно в этом противоречии она черпала истинное вдохновение.

И глядя на Марка в обтягивающей майке, подпирающего щеку с кучей распечатанных листов с зданиями, Алиса вдруг ясно осознала: она нашла своего идеального натурщика. Его фигура, ломаная линия плеч, обычно низко натянутый капюшон и общее ощущение скрытой угрозы — это было именно то, что она пыталась выразить во всех набросках.

Он — часть подвального рельефа.

Влад, открывший дверь, прервал созерцание Алисы.

— Влад?.. — вырвалось у нее, прежде чем она успела прикусить язык. Ее голос прозвучал тонко в пространстве, наполненном гулом низких басов, но она держалась, чтоб не задрожать.

Тут же из теней, как по сигналу, выныривали и остальные.

— Опа-на, — протянул Влад, и на его губах заиграла школьная ухмылка, которая здесь казалась в разы опаснее. — Смотрите, пацаны, к нам сама святая девочка заглянула. Дорогой не ошиблась?

Навстречу Алисе из густой тени, пропахшей табаком, выступили двое. Тот, что шел первым, заставил девушку невольно сглотнуть — она узнала его. Лысый, жилистый парень с лицом настоящего извращенца, превосходящего Влада в тысячу раз. Дать бы ему кепку, одеть в спортивный костюм и траву в рот запихнуть, — настоящий хулиган, живущий по понятиям. Это был тот самый преследователь с заброшки, которому она в панике заехала по лицу. Теперь

он стоял перед ней в одних спортивных шортах, а все его тело — от мощной шеи до самых кончиков рук — покрыто вязью татуировок. Чернильные узоры переплетались в готические изображения черепов, создавая иллюзию второй кожи: только лицо оставалось чистым.

Второй парень был повыше, сутулый, с беспорядочно торчащими каштановыми волосами. Он прятал руки в карманах безразмерной худи, а взгляд из-под густой челки был маслянистым и внимательным. Стоял, да самодовольно постукивал по бедру.

Но Алису больше всего притягивала девушка на верстаке. Она выглядела как персонаж из мрачных комиксов. Кроткие волосы по плечи цвета пепельного блонда были заплетены в тугий хвост, открывая вид на целые россыпи серебра: куча пирсинга украшала хрящи ушей, небольшое кольцо поблескивало в крыле носа, а нижняя губа проколота в двух местах змейками. Кожаная жилетка на голое тело и широкие штаны-карго. Она стряхнула пепел с сигареты, и Алиса заметила, что между ее пальцев виднелись крошечные вытатуированные символы.

— Это еще что за чудо в перьях? — голос девушки прозвучал низко, с хрипотцой. Она окинула Алису взглядом, от которого становилось не по себе. — Влад, ты теперь с Никитой чистых сюда приводите для массовки?

Лысый ступил поближе, и свет тусклой лампы бликом отразился на его татуированном плече.

— О-о-о, — пробасил он, прищуриваясь. — Да это же та самая боксерша. Помнишь меня, малявка? У меня щечка до сих пор ноет.

Он потянулся к Алисе, желая то ли напугать, то ли проверить на прочность, но Влад приостановил, сказав, мол, что еще успеет познакомиться поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.